

КОСТЁР

1 ЯНВАРЬ 1978

КОСТЁР

1

ЯНВАРЬ

1978

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с 1936 года

© „Костёр“, 1978 г.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МАЛЬЧИШКИ СТАНОВЯТСЯ МУЖЧИНАМИ. О СУРОВЫХ ГОДАХ ВОЙНЫ.

В НОМЕРЕ:

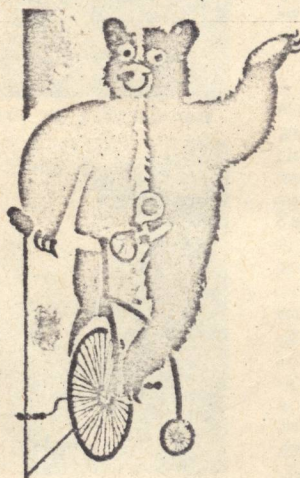
Вадим ФРОЛОВ

РЕДАКЦИЯ «КОСТРА»
ПРОВОДИТ СБОР
В КОМСОМОЛЬСКЕ-
НА-АМУРЕ

„В ДВУХ ШАГАХ ОТ ВОЙНЫ“

ВОЕННЫМ ВОЕННЫМ ВОЕННЫМ

ОПЕРАЦИЯ „ЧУДО-ДЕРЕВО“

Валентин
ФИЛАТОВ.

РАССКАЗЫ
ИЗВЕСТНОГО
МАСТЕРА
ПШРБА

НОВАЯ
СКАЗКА

Радия ПОГОДИНА

Про
мышонка
Терентия

МЫ— ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ

Так говорили все поколения юных пионеров. И рядом со своим старшим другом и вожатым комсомольцем во всех его делах всегда были мальчишки и девчонки с красными галстуками.

Комсомол боролся с неграмотностью, и отряды юных пионеров создавали ликбезы. Парни и девушки с комсомольскими значками по призыву партии строили Магнитку, Комсомольск, Днепрогэс, и там им помогали пионеры. А когда вся страна воевала и сотни тысяч комсомольцев ушли на фронт или сражались в партизанских отрядах, стояли у станков в тылу пионеры тоже принимали боевое и трудовое крещение.

Немало дел у комсомольцев и сейчас — посмотри на карту нашей Родины — и ты увидишь на ней города с комсомольским значком: Тольятти, Набережные Челны, Тюмень, Кириши, БАМ — это ударные комсомольские стройки. И сейчас им помогают пионеры — собирают металлолом для поездов БАМа, для мощных КамАЗов, для сверхсильных К-701.

МЫ — ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ!

Так называется новый этап Всесоюзного марша юных пионеров, старт которому дается в январе 1978 года. Он посвящен 60-летию ВЛКСМ.

В этом юбилейном году пионеры пройдут по маршрутам: «В Страну Знаний», «Моя Родина — СССР», «Зеленый наряд Отчизны», «Звездочка», «Тимуровец», «Мир и солидарность», «В мир прекрасного», «Пионерстрой», «Сильные, смелые, ловкие».

Все они вам хорошо знакомы, но каждый пионерский отряд должен подумать, каким новым содержанием наполнить, что внести нового и интересного в жизнь отряда в год комсомольского юбилея.

В юбилейном для комсомола году комсомольцы и пионеры станут участниками и свидетелями двух важных событий — XVIII съез-

да ВЛКСМ и XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Особое внимание в этом году пионеры будут уделять изучению истории ВЛКСМ, его героического прошлого и настоящего.

В Ленинграде комсомол зарождался, здесь под руководством партии создавали первые комсомольские ячейки Оскар Рывкин, Лиза Пылаева, Петр Смородин. Многие улицы и проспекты названы именами героев-комсомольцев, а одна из красивейших площадей называется Комсомольской. Такие улицы, площади есть в каждом городе нашей страны, потому что в каждом городе помнят и бережно хранят память о первых комсомольцах. Но пусть, ребята, вам не кажется, что все уже известно о тех незабываемых днях — работы отрядам красных следопытов еще много. По крупицам мы должны собрать материалы о тех комсомольцах, кто своей героической жизнью писал историю комсомола. Музеи и уголки комсомольской и пионерской славы, шефство над озеленением комсомольских улиц и скверов, создание пионерских и комсомольских мемориалов — здесь есть дело для каждой дружины и отряда.

История нашего государства пишется сегодня — ваши отцы и старшие братья создают сверхмощные машины, строят новые города, прокладывают дороги и осваивают космос. Будьте любознательны и пытливы ко всему, что происходит вокруг вас, ведь скоро придет торжественный день и вас примут в комсомол, и вы будете с теми, кто сегодня пишет историю. Именно поэтому все поколения пионеров с гордостью говорят:

«МЫ — ВЕРНАЯ СМЕНА ТВОЯ, КОМСОМОЛ!»

В. МАТВИЕНКО,
секретарь
Ленинградского областного
комитета ВЛКСМ,
председатель
Ленинградского Совета
пионерской организации

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ВОЙНЫ

ПОВЕСТЬ

Вадим ФРОЛОВ

Рисунки Ю. Шабанова

КАПИТАН ЗАМЯТИН

Капитан Замятин болел.

Здесь, под Мурманском, враг накрепко застрелял в скалах. Только кое-где на Карельском фронте удалось ему перейти нашу границу. А дальше на юг — до самого Черного моря он попер так, что об этом не хотелось и думать. Июль сорок первого, словом. И надо же в такое время заболеть! И болезнь какая-то дурацкая — слабость во всем теле, жар под сорок, всего ломает, все время пить хочется. От всего этого: от мыслей, от которых никуда не уйдешь, и от чувства собственного бессилия — на душе у капитана было неладно.

— Долго еще валяться, матрас продавливать? — спросил он врача совершенно осипшим голосом.

— Сколько надо, столько и пролежите, — мягко рассердился врач. — Вы что думаете,

ваша профессия даром вам дается? Вы же все время в воде, так сказать, в соленых брызгах океана. Да вы не волнуйтесь, все будет в порядке. Вот скоро эвакуируем вас.

— Куда? — спросил Замятин.

— Совсем недалеко, — успокоил его врач и погладил крутое капитанское плечо. — Можно сказать, почти что дома: в Архангельск поедете.

— А семья? — спросил Замятин.

— И семья, — сказал доктор.

Замятину стало чуть легче — Мурманск, Архангельск — разницы почти нет. Свои места.

— Я работать хочу, — сказал Замятин, — воевать хочу.

— Будете, будете, капитан, и работать и воевать, а как же, — сказал врач. — Извините, у меня там таких, как вы, еще пятьдесят человек, — и, улыбнувшись, пошел из палаты. Уже

в дверях строго добавил: — Отдохнуть вам надо, отдохнуть. Чтобы работать и воевать. Отдохнуть!

«Какой еще к дьяволу отдых!» — мрачно подумал капитан.

В Архангельске Замятин окунулся в тишину. Не визжали жутко бомбы, не грохотали взрывы, не хлопали гулко зенитки и даже доносившийся изредка вой сирены не очень-то беспокоил. Павел Петрович знал, что тревоги в Архангельске пока что учебные. А шум и гудки за окном госпиталя были привычными, рабочими.

Сюда, в Архангельск, был переведен весь Мурманский рыболовный флот. Мелкие суда занимались морским прибрежным ловом, часть траулеров промышляла подальше в море, но многие суда превратились в военные корабли — сторожевые, дозорные, транспортные. И само управление тралового флота называлось теперь иначе — по-военному: военизированной базой рыболовного флота.

Замятин поправился быстро. Хотел поправиться и поправился. В госпитале выписали все необходимые документы, и он сразу поправился к своему начальству. Ноги были еще немного ватными, сердце стучало глухо и иногда вроде бы опускалось куда-то, а в остальном все было в порядке, хоть сейчас на мостик. Павел Петрович шел по набережной, всматривался в Двину, поглядывал на небо. Знакомый плеск волны о берег, гудки судов, ритмичный стук их двигателей — все это успокаивало, и он вспоминал свой РТ-57, свою «Смену», отличный траулер, на котором он плавал до войны. Вспоминал свою дружную команду, стариков и молодых, вспомнил даже волжского парнишку Ваню Сивко*, который до призыва на военный флот сходил с ним несколько рейсов — славный парнишка: настырный, отчаянный и работяга — где-то он сейчас? Вспоминал и думал: куда-то пошлют? С одной стороны, хотелось драться, хотелось до того, что скулы сводило. С другой стороны, понимал: без хлеба, без рыбы, словом, без продовольствия не проживешь и не повоюешь. Кормить такую армию, кормить тыл, который делает танки, снаряды, пушки, кормить матерей и детей, кормить народ и его армию — это тоже не шутка! Это тоже, пожалуй, фронт.

Поэтому как к должному отнесся он к тому, что ему приказали принять РТ-9, старушку «Зубатку». Это было его родное дело, а «Зубатка» почти такая же, как и его «Смена», только разве чуть постарее, поизношенней, котлы не те, машина барахлит, каюта капитанская поуже, ход поменьше. «Смена» давала узлов 10—12, а эта — мехайик сказал: «Ну,

если десять выжмет и котлы не взорвутся и машина не развалится, то до ста годов проплаваем».

«Однако ладно, — сказал себе Замятин, — приведем старушку в порядок, подремонтируем, подкрасим. Сам оклемаюсь маленько, а там — что прикажут. Может, еще и воевать буду. Вон сколько наших траулеров воюет».

И стал он плавать на «Зубатке». Перевозил рыбу, выловленную малыми судами, в район Канина Носа, где в становище Шойна был рыбообрабатывающий завод, возил разные грузы по Белому морю и даже на Мурман. Там у Мурманского побережья в августе сорок первого получил, можно сказать, боевое крещение: на «Зубатку» откуда-то из серых низких облаков вынырнул «хейнкель-115» с черными крестами на крыльях. Он стрелял из пулеметов, сбросил несколько бомб, заходя снова и снова на беззащитный траулер. «Зубатка» уворачивалась, как могла, и все же бомбы основательно повредили надстройки, штурманский мостик, да и в самом корпусе было много серьезных пробоин. Но старушка дошла до порта. Ее подлатали, как было возможно, и она снова продолжала свою вроде бы и незаметную, но нужную работу.

А в мае 1942-го Павла Петровича вызвали к начальнику, и тот сказал:

— Вам, товарищ Замятин, боевое задание от областного комитета партии, областного комитета комсомола — «Зубатка» под вашим командованием пойдет в особый рейс.

Замятин молчал, ждал, что дальше.

— Возьмете на борт сто двадцать, а может, сто пятьдесят мальчишек... Х-м-ы, ребят. Школьников и других...

«Куда ж их, господи боже мой, уж неужели и отсюда эвакуируют, неуж...»

— Нет, нет, Павел Петрович, — сказал начальник, вроде бы поняв по лицу капитана, о чем тот думает. — Я вас ознакомлю с одним решением, и все станет ясно. Хочу только спросить: вы знаете, что город голодает, что раненым в госпиталях нужна калорийная, повторю, калорийная пища, что у нас в Архангельске тысячи эвакуированных детей и женщин, и их тоже надо кормить? Вы это знаете?

Замятин наклонил голову.

— Тогда слушайте, — сказал начальник и стал читать: — «Решение бюро Архангельского обкома ВЛКСМ «О направлении студентов и учащихся на заготовку яиц, тушек кайры и добычу рыбы на остров Новая Земля.

13 мая 1942 года.

На основании постановления Архангельского обкома ВКП(б) и облисполкома от 11 мая 1942 года бюро обкома ВЛКСМ постановляет:

1. Обязать Архангельский горком ВЛКСМ до 25 мая сего года подобрать учащихся техникумов и старших классов средних школ, желающих ехать в экспедицию на остров Новая Земля, физически развитых, здоровых, 150 человек (мужчин), в том числе для Главсеврыбпрома 80 человек.

Боец морской пехоты краснофлотец Иван Сивко героически погиб в боях за Советское Заполярье в августе 1941 года. Уничтожив десятки фашистов, окруженный, он не сдался, а подорвал себя последней гранатой. Постмртно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

2. Учащиеся, выезжающие на остров Новая Земля, должны иметь с собой комплект постельных принадлежностей (матрац, подушку, одеяло, простыни, наволочки) и посуду для личного пользования (котелки или миски, кружки, ложки). Выезд намечается на первые числа июня месяца.

3. Обязать секретаря Архангельского горкома ВЛКСМ товарища Котцова информировать обком ВЛКСМ о подборе учащихся 27 мая с. г.

Секретарь Архангельского обкома ВЛКСМ
Абрютин».

— Вот так, Павел Петрович, — сказал начальник.

Он шел домой. Под его шагами скрипели доски тротуаров, шел он уверенно, слегка по-морячки покачиваясь, прищулив свои прозрачные голубовато-серые глаза, и весь уже был там, на своей «Зубатке». И только где-то скребла мысль: а что скажет жена? Ну, да ничего, она — поморская женка, привыкла провожать, поймет и это, поймет, что и такой необычный рейс нужен. И еще чуть-чуть капитан Замятин сердился на начальство, которое поручило ему такую работу, одновременно и на себя сердился — за то, что он на начальство сердится. Неожиданно споткнувшись об отдравшуюся доску, Павел Петрович чертыхнулся про себя и вдруг успокоился. «Война, — подумал он, — война. Ну, да ладно, где ладья ни рышет, а на якоре будет. Экспедиция... Ну-ну».

Еще недели две назад Замятин читал в «Правде» про фашистские линкоры «Тирпиц» и «Шеер». В норвежских шхерах спрятались сволочи, сидят, ждут...

И с фронтов сообщения — то несколько дней подряд «ничего существенного не произошло», а то «ожесточенные бои на отдельных участках Карельского фронта», или вот позавчера: «В течение 11 мая на Керченском полуострове наши войска вели упорные бои с перешедшими в наступление немецко-фашистскими войсками». «Керченское направление, — Замятин покачал головой, — а Севастополь-то все еще держится! Каково им там-то? Ладно, капитан Замятин, пойдешь в экспедицию за... птичьими яйцами, с ребятишками пойдешь. Надо!»

ДИМА СОКОЛОВ

Первый, с кем я познакомился в Архангельске, был Антон. Было это на третью неделю после нашего с мамой приезда в этот город.

Отца направили на работу в Архангельский порт в самом начале войны, а мы с мамой, Катюшкой и бабушкой остались в Ленинграде, «до первой возможности забрать вас», говорил папа перед своим отъездом. И эта «первая возможность» представилась только в мае сорок второго. В мае сорок второго... У мамы, хотя она еще совсем молодая, появились прядки седые, а меня шатало даже от самого легкого ветерка. Кати и бабушки уже не было — бабушка умерла в январе сорок

второго, а Катюшку еще раньше убило на улице при бомбежке. Отец как увидел нас на аэродроме в Архангельске, отвернулся, опустив голову, и только зубами скрипнул...

Здесь, в Архангельске, отец жил на тихой улице в небольшом одноэтажном деревянном доме у старого капитана-пенсионера. Комната, в которую поместили его, а потом и нас, была большой, насквозь просвеченной солнцем. На желтом крашеном полу лежали простые деревянные дорожки, по углам в кадках стояли фикусы и еще какие-то цветы с длинным и красивым названием — рододендроны. На стенах, и это больше всего нравилось мне, висели старинные морские карты, рисунки кораблей и до ослепительного блеска начищенные замысловатые приборы — солнце веселыми зайцами играло на их медных поверхностях.

Наш хозяин Афанасий Григорьевич Громов, как сам говорил, стал на берегу на полный якорь. Сдало зрение, разболелись ноги. Ходил он, тяжело опираясь на толстую суковатую палку, да и ходить-то старался поменьше. Читал книги — особенно морские лоции. Читал, потом снимал круглые очки в простой железной оправе и, закрыв глаза рукой, долго сидел, задумавшись, что-то, наверное, вспоминал. Он был мрачноват, часто раздражался и на жену свою Марфу Васильевну ворчал по делу и без дела. Днем посиживал в палисадничке на бревнышке, грел больные ноги на солнце, рядом с ним валялся смешной пес Шняка. Капитан поглядывал по сторонам, изредка обмениваясь двумя-тремя словами со знакомыми прохожими — все больше насчет погоды.

Мы с мамой немножко побаивались его.

Я рвался на улицу, но мама боялась пускать меня — страшная ленинградская зима все еще давила на нее; ей чудились разрывы снарядов, вой бомб, виделись обессиленные люди, лежавшие на ступеньках подъездов.

— Ты совсем еще слаб, — говорила она жалобно, — заблудишься, упадешь.

— Пусть идет, — сердито покрывая, говорил капитан Громов. — Подышит, солнышком побалуется, вон он у тебя какой зеленый. А заблудиться — так в нашем городе не заблудишься, он простой, наш город-то.

И верно: в этом городе трудно было заблудиться. Весь он протянулся вдоль реки, и его четыре или пять проспектов почти точно повторяли плавную и широкую дугу набережной.

Город понравился мне — широкая, какая-то привольная Двина, тихие, кое-где заросшие травой улицы, а на них за палисадниками и заборчиками уютные деревянные дома. И порт, который здесь, можно сказать, был повсюду. Вот ведь ленинградский порт, наверное, куда больше, но там, в Ленинграде его по-настоящему и не чувствуешь — город огромный, а порт далеко, и даже если по Неве и бегают катера и буксирышки, а иногда заходят и большие корабли, все равно Нева кажется какой-то торжественной, нарядной, прямо как декорация в театре. А здесь река не стиснута гра-

нитными берегами, она свободная. И сразу видно, что работага: по всем ее берегам, прямо в самом городе, на целые километры тянутся причалы, пирсы, пристани, склады. Архангельск тоже, в общем-то, стоит не на самом море, но море чувствуется здесь больше, чем в Ленинграде, кажется, вот оно, уже за тем островком это Белое, Студеное, как здесь его называют, море. А дальше к северу, совсем рукой подать, — сам, не какой-нибудь, а Ледовитый океан. А там... там даже названия какие-то особенные. У меня прямо мурашки по спине бегали первое время, как только я слышал эти названия: Баренцево море, Шпицберген, Карские Ворота, Югорский Шар, Земля Франца-Иосифа, остров Моржовец, Канин Нос и какие-то Гуляевские Кошки...

Часами я мог стоять на набережной, смотреть, как швартуются корабли, как уходят в море рыбацьи сейнеры, как плавно идут по кругу гигантские стрелы высоченных портовых кранов. Но подолгу стоять мне было нельзя — знал, что творится с мамой. Все ей казалось, что со мной что-то случится.

Но однажды, получив по карточкам хлеб и сунув его в авоську, я все-таки, вместо того чтобы идти домой, пошел на набережную и, облокотившись на перила деревянной балюстрады, стал смотреть на реку.

Внизу у самой кромки воды на старой перевернутой лодке сидели двое парней — один побольше, другой поменьше. Я к ним не особенно присматривался, и когда маленький свистнул и помахал мне рукой — дескать, спускайся, — я удивился: в Архангельске я еще никого из ребят не знал. Батя, правда, говорил, что народ здесь очень хороший — добрый и отзывчивый.

— Чего вам? — спросил я дружелюбно.

— Давай сюда! — крикнул парнишка. — Покажем чево-то.

«Надо же, наконец,знакомиться», — подумал я и по невысокому, но довольно крутому откосу спустился к реке.

— Привет, — сказал я, — чего покажете?

Парни молчали и разглядывали меня с ног до головы. Я тоже на них смотрел. Один здоровый, совсем белобрысый, с носом картошкой, толстогубый, глаза маленькие, словно заплыли. Рубашка на нем грязная и заплатанная, расстегнута до пупа, а под ней тельняшка, тоже не очень-то чистая. На флотских клешах — ремень с блестящей медной бляхой. Только пистолета за поясом не хватает и повязки черной на глазу. Второй — ничего парнишка, вроде, симпатичный. Ростом пониже меня, но крепкий такой. Глаза веселые, хитрые. На голове выгоревшая пилотка солдатская, а из-под нее черный чубчик.

— Ну что? — опять спросил я.

— Садись, — добродушно сказал тот, что поменьше.

Я хотел сесть, но посмотрел на днище лодки и раздумал — оно было очень уж грязное, в ржавых и черных маслянистых пятнах.

— Ладно, постою, — сказал я.

— Чисс-с-стенский, — шепеляво сказал «пират», усмехнулся, раздвинув толстые губы, и я заметил, что пары зубов у него не хватает. — Брючки замарать боишьсс-си?

Он пожевал губами и вдруг плюнул мне прямо на ботинок.

— Ты чего? — растерянно спросил я.

— Эт-та он шутит, — весело сказал второй, — а ты давай садись, не стесняйся. — И он встал и подошел ко мне.

Я положил авоську на битые кирпичи, подобрал обрывок газеты и нагнулся вытереть ботинок. Обидно было до чертиков. Будь я покрепче, ну хотя бы как перед самой войной, я бы этому одноглазому, тьфу, губошлепому показал два прихлопа, три притопа, а сейчас меня, и верно, от ветерка шатает — дистрофик... Когда я выпрямился, чернявый в пилотке стоял по другую сторону лодки, и в руках у него была моя авоська. У меня в глазах потемнело: вспомнил сразу, как однажды в Ленинграде вот так же я стоял у какого-то забора, а от меня с моей авоськой, в которой был хлеб на три дня для всей нашей семьи, уходил, не оглядываясь, долговязый парень...

— Чего у тебя там? — спросил тот в пилотке и пощупал сверток.

— Х-хлеб, — сказал я, заикаясь.

— Годитсся, — быстро сказал губастый и встал. — Айда, Шкерт, — кивнул он дружку, и они, не оглядываясь, побежали к откосу.

— Стойте! — заорал я. — Это же домой, по карточкам...

И я побежал за ними.

У самого откоса губошлеп остановился, снял ремень, намотал его на руку бляхой наружу и пошел на меня, а тот, как его, Шкерт, в это время уже перелезал через балюстраду.

— Что вы делаете? — опять заорал я.

А губошлепская морда шел на меня, подняв руку с бляхой, и я попятился, споткнулся обо что-то, упал на спину и сильно треснулся головой. Сознание я, кажется, не потерял, но в голове шумело и трещало, а перед глазами летали какие-то пестрые бабочки, и было так паршиво, что не хотелось и вставать. Я лежал на земле и думал... Черт его знает, о чем я думал... Когда открыл глаза, тех двоих, конечно, уже не было, а надо мной стоял совсем другой парень и разглядывал меня что-то уж чересчур внимательно.

Я со злости опять закрыл глаза. Пропали все пропадом — так и буду лежать, пока не подохну!

— Ты чего тут отдыхаешь? — услышал я голос.

Я с трудом сел, помотал головой и пощупал затылок — ничего, здоровая гуля.

— Упал, что ли? — спокойно спросил парень и протянул руку.

Он, наверное, хотел помочь мне встать, но у меня-то в мыслях было другое, и я со злостью отбил его руку в сторону — будь что будет, а этому я врежу! А если и не врежу,

скорее всего и не врежу, то драться все равно буду до смерти, до конца, до...

— Ну чего ты? — спросил парень и опять протянул мне руку.

— А пош-шел ты! — заорал я. — Тебе-то что надо? Нет у меня ничего больше!

— А мне ничего и не надо, — сказал он вроде даже удивленно. — Иду, вижу — лежит, загорает... на кирпичках битых. Ну, мало ли, думаю, что. Вот и подошел, спросил.

— «Спросил, спросил», — зашипел я. — С-сволочи! Да у нас в Ленинграде за такие дела, знаешь, расстреливают! Понял?

— Не-е-е, — сказал он и помотал головой, — не понял.

Я вскочил, но тут же меня повело куда-то в сторону и, если бы не парень — он меня схватил прямо в охапку, — я бы опять шлепнулся на кирпичи. Он подвел меня к лодке, и тут уж я не побоялся брючки замарать, сел.

— Что случилось-то? — спросил парень. — Кого расстреливают?

— А мне еще батя говорил, — забубнил я, — что в Архангельске люди хорошие, добрые, отзывчивые. Черта с два, отзывчивые!

— Слышь-ко, ты, — сказал парень сердито, — не ной давай, а говори толком: чего стряслось? А люди... что ж, люди? Они у нас тоже разные бывают. Хороших, конечно, поболее. Говори давай.

Тут я в первый раз посмотрел на него внимательно. И как это я на такого парня орал, даже не посмотрев на него. Нечего на него было орать — за версту видно, что он не такой, как те. Девчонки, наверняка, от такого с ума сходят с самого первого класса, а ребята за таким — в огонь и в воду. И вроде ничего в нем особенного. Высокий? Так они тут почти все вон какие вымахали. Глаза голубые? У них у всех тут глаза голубые, наверное, от моря. Только сразу видно, что парень этот добрый, и я, чуть не плача от обиды и злости, рассказал ему все про тех пиратов и бандитов, чуть даже их фашистами не назвал.

— Большой тот — в тельняшке? Губастый? — спросил парень.

Я кивнул.

— Это Баланда, — уверенно сказал парень.

— Какая еще баланда? — не понял я.

— Прозвище его такое — Баланда. Соломбальский парнишка. В общем-то, ребята там что надо, а этот... — он задумался. — Этого тоже понять нужно...

— Его понимать?! Стрелять его надо, — и тут я уже не выдержал и добавил, — фашиста!

Парень нахмурился.

— Ты того, полегче! — строго сказал он. — Ты его жизни не знаешь. Какой он фашист? Так — шелапут... несчастный.

— Какой он несчастный? — не отступал я. — Если несчастный, то других понимать должен, а он...

— Кончай! — оборвал меня парень. — Об этом в другой раз потолкуем. Второй-то с ним маленький, чернявый был?

— Да, — уже нехотя сказал я.

— Этот приезжий. Лешак его знает, откуда взялся! Ну тако-о-о-ой! — сказал парень, словно удивляясь. — Шкертом его дразнят. Однако я до него доберусь! — Он посмотрел на меня. — Ну как, отошел маленький?

Я помотал головой и потрогал затылок — болело здорово, но голова вроде бы уж не кружилась. Парень осторожно расправил волосы у меня на затылке и тихонько хмыкнул.

— Блямба! — сказал он с уважением. — Но крови нет. Тебя как зовут?

— Дима... Соколов, — сказал я.

— Меня Антоном звать. А ты правда из Ленинграда?

— Конечно.

— То-то ты такой... тошой, — он покачал головой и спросил: — Давно оттуда?

— Недели две уже, — сказал я.

— Как там у вас? Туго?

Что я мог ему ответить? У меня сразу горло перехватило от его вопроса, и я только сказал:

— Туго.

Он опять покачал головой, потом встал с лодки и сказал:

— Ну, ежели отошел, тогда айда Баланду и этого Шкерта искать.

— Да ну их к черту! — в сердцах сказал я.

— Как это к черту? — рассердился Антон. Сам сказал: у вас расстреливают.

— Ну-у-у...

— А если не расстреливают, все одно. Ты как про Архангельск думать будешь? А ты худо не думай. Есть у нас, конечно, всякие, но вообще-то... Ты не думай.

— Я и не думаю. Это так — обидно уж очень стало. Мне Архангельск здорово нравится.

— Верно? — он обрадовался. — Конечно, Ленинград больше и, говорят, красивый, но у нас тоже ничего... Двина вот... и вообще... — он вдруг засмутился и быстро спросил: — Ты в каком классе?

— В восьмом. А ты?

— Я... тоже в восьмом. А в какую школу определился?

— Да ни в какую еще, — сказал я с досадой, — понимаешь, мать пока не пускает. Говорит, после ленинградской голодухи окрепнуть надо. А я уже ничего — отъелся.

— Чем ты у нас отъелся? — с сомнением сказал Антон. — Где живете-то?

— На Поморской. В конце.

— Так айда к нам в школу, наш район. — Ладно.

— А Баланду мы найдем, не беспокойся. — Я не беспокоюсь, только что я дома скажу?

— Я с тобой пойду, — решительно сказал Антон.

Я здорово обрадовался. Сами понимаете, хлеб на два дня! Одному домой, прямо скажем, совсем не улыбалось идти.

Видно, такой уж это парень — Антон: один его вид успокоил маму. Он не дал мне рта раскрыть, а сам спокойно и подробно расска-

зал, как было дело. Мать только повздыхала, поахала, а я воспользовался случаем и спросил, можно ли мне с Антоном погулять.

Мама обеспокоенно посмотрела на меня, потом на Антона и, улыбнувшись сквозь слезы, сказала:

— С Антоном? С ним, пожалуй, можно. Вон от какой. Только не долго.

АНТОН

Дома было тяжело. С первых дней войны ушел на фронт отец. И ни одной весточки, кроме самой первой, в которой говорилось: «Воюю неподалеку от вас».

Мачеха, и так-то всегда молчаливая, замкнулась совсем, и по ночам слышал Антон, как она тихо плакала, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не зарыдать в голос. Это было жутко, и Антон часами лежал без сна.

«Живите мирно», — уходя сказал отец.

Ну, что ж, стали они жить мирно, но все равно были чужими.

Мачеха работала в порту на Бакарице. За месяц выучилась на крановщицу, заменила ушедшего на фронт молодого парня и сейчас шуровала на огромном новом порталном кране не хуже любого мужика. Иногда работала и две, а то и три смены подряд. Зарабатывала хорошо и к пайку могла прикупить на базаре что-нибудь. Так что голодать они не очень голодали, но Антон все время грыз себя за то, что вроде бы сидит на ее шее. И от этого было еще тяжелее. Он пытался заговорить с ней о том, чтобы бросить школу, пойти на завод или в порт. Мачеха и слышать не хотела. «Отец велел, чтобы ты школу кончил», — только и сказала она, но сказала так, что Антон больше и не заговаривал об этом. И, стиснув зубы, он продолжал ходить в школу. Учился, ходил копать огороды, собирать хвою, пилить бревна, и часто, мрачно забросив футляр с баяном за плечо, ходил с ребятами в какой-нибудь госпиталь — давать концерты раненым. И это было самым мучительным. Высокий, плечистый, здоровый — он в свои пятнадцать выглядел на все восемнадцать. И всегда, когда он со своим баяном стоял перед ранеными, ему казалось, что они смотрят на него с укором или насмешкой — эвон какой вымахал, а в тылу околачивается.

Их концерты давно уже стали привычными, все было отлажено и отрепетировано по многу раз. Антон играл и аккомпанировал на баяне. Лиза и Манюша пели частушки про полоумного Гитлера, Аня пела про синий платочек и «Дан приказ ему — на запад», Арся лихо отбивал чечетку, Боря-маленький читал стихи и, хоть он слегка заикался, слушали его с вниманием и никто не смеялся, а Колька-Карбас смешно рассказывал поморские бывальщины. Карбас не учился в школе, работал в порту в три смены, но дружил с Арсеем и иногда ходил с ним по госпиталям.

Чаще всего они бывали в госпитале, кото-

рый был в пригороде Архангельска — Быке. Здесь на крыльце их всегда встречал подтянутый щеголеватый лейтенант интендантской службы. И всегда он вначале вел их в столовую, где каждому выдавал по большому куску хлеба с повидлом. И по кружке горячего сладкого чая. Отказываться не приходилось. Только Антон совал свою порцию Боре.

— Сестренкам отдай, — говорил он и отворачивался.

Боря благодарно глядел на него и, сложив оба куска, заворачивал их в носовой платок и прятал в карман.

А потом они ходили по палатам и давали концерт. Раненые встречали их радушно, с шутками и прибаутками, щедро хлопали, подолгу не отпускали. И все же всегда на душе скребли кошки — нельзя было спокойно смотреть на все эти бинты, костыли, повязки, на искалеченных, измученных болью людей.

В общем, яростно хотелось что-то делать — большое, серьезное и по-настоящему мужское. О заводе не могло быть и речи. Он старался все делать по дому, первым брался за любую работу в школе, по воскресеньям ходил в порт на погрузку и выгрузку судов, но все это было не то.

...Беда пришла месяц назад.

У окна одной из палат госпиталя лежал мужчина. Лицо его — серо-землистого цвета, глаза глубоко запали, а веки плотно сомкнуты. И вроде, даже не дышит. Антон взглянул на него и замер.

— Знакомый, что ли? — спросил лежащий рядом паренек.

— От-тец... — еле выговорил Антон.

— Н-ну?! Эх ты... — сочувственно сказал парень. — Вторую неделю в себя не приходит... Из-под Мурманска его привезли.

Когда отец пришел в сознание, врачи долго осматривали его, потом долго совещались, и все-таки наконец разрешили взять домой. Дома ему и вправду стало лучше, он уже все понимал и даже начал понемногу говорить, хотя язык еще ворочался с трудом, да и слова, видно, часто забывались. Сейчас он лежал пластом, даже голову не мог повернуть, и тоскливо глядел в потолок.

Антон исподтишка смотрел на его такое знакомое, но казавшееся иногда таким чужим лицо с резкими скулами и заострившимся носом, смотрел на его когда-то могучее, ладное, а сейчас похудавшее до невозможности неподвижное тело, и жалел, жалел до того, что ни днем ни ночью не находил себе покоя.

И самым тяжелым было то, что он не знал, как помочь ему. Мачеха, видно, знала. Когда Антон привел ее в госпиталь, она долго стояла, судорожно вцепившись в дверной косяк, и не решалась войти в палату. Потом зажмурилась и, как с обрыва в воду, ринулась к постели, упала на колени, но тут же вскочила, и лицо ее стало радостным и хлопотливо озабоченным. И таким оно оставалось все время.

КАРБАС И АРСЯ

Арся и Карбас уныло сидели на деревянном диване в маленькой насквозь прокуренной комнате военного коменданта большой станции. Непрерывно звонил телефон, комендант — пожилой майор с желтыми от табака усами — охрипшим голосом устало ругался в трубку. В комнату то и дело входили люди — военные, железнодорожники, женщины с детьми и узлами. Все чего-то просили, требовали, умоляли, а то и угрожали. Одним надо было куда-то ехать, другим нужны были вагоны для каких-то срочных грузов, третьи требовали немедленной отправки и «зеленой улицы» для своих эшелонов. Комендант сердился, стучал кулаком по столу, тоже звонил кому-то и тоже что-то требовал, просил, приказывал, и до ребят ему не было дела — видно, забыл про них начисто.

— Давай драться, — шепотом сказал Карбас.

Арся кивнул, и они сидя начали потихоньку двигаться по дивану поближе к двери. И когда уже совсем хотели рвануть, комендант вдруг сердито рывкнул:

— Куда?! Не наездились еще?

Арся и Карбас застыли на жестком неудобном диване, а комендант снова занялся своими неотложными делами.

— Говорил тебе, влипнем, — тихо и зло сказал Арся.

— Кто ж знал-то, — удрученно ответил Карбас и шмыгнул носом.

— Кто знал, кто знал... — передразнил его Арся, — надо было Антона слушаться. Он-то ведь отказался.

Карбас удивленно посмотрел на него.

— Отказался, — сказал он медленно, — отказался, а ты вспомни-ко, чо ему говорил?

Арся промолчал. Только позавчера они говорили с Антоном. Упрашивали его поехать с ними. Антон молча слушал их, не перебивал. Наконец Карбас не выдержал и, застучав кулаком по своей костлявой груди, заорал:

— Да ты чо? Дети мы, чо ли? Гляди-ко, какие орясины вымахали, а на фронт нельзя? Дети, да?

Антон внимательно посмотрел на него, а потом серьезно, чего-то уж слишком серьезно, как совсем взрослый, сказал:

— Дети. Дети и есть. Глупые еще совсем, — и опустил голову.

Арся даже поморщился, вспомнив, что он ответил Антону позавчера.

...Они в школе всегда считались «на равных». И это еще чуть не с пятого класса началось — столкнулись однажды, как два быка-оленья рогами, и ни один уступить не хочет. Один говорит «да», другой — «нет». Этот говорит «нет», тот говорит «да». Совсем как в песне, которую Утесов пел: «Жили два друга в нашем полку, пой песню, пой! И если один говорил из них «да», «нет» говорил другой...» Оба здоровые, сильные — Антон, правда, посильнее, а Арся зато поупрямее. Весь класс за ними исподтишка следил — кто кого? А ник-

то никого. В шестом классе Антон первый пошел к Арсе.

— Нам с тобой, пожалуй, ссориться не к чему. Ты чего хочешь, чтобы одни за тобой, другие за мной? — спросил он.

— А ты чего хочешь?

— Чтобы вместе, — сказал Антон.

— Чего вместе? — спросил Арся. — Бить их, что ли, вместе?

И тут Антон улыбнулся.

— Никак не пойму, чего ты злой такой? — спросил он.

— Мое дело, — огрызнулся Арся.

— Да не злой ты, Гиков, дурной, — добродушно сказал Антон.

И тогда они в первый и последний раз подрались. Подрались крепко, до крови. И Антон все же уложил Арсю на травку, подмял его под себя, придавил к земле его руки и сказал, дыша в самое ухо:

— Кончай, Арся, я ведь добрый, а могу и... Не надо нам драться.

Он поднялся и протянул Арсе руку. Но Арся, злясь на себя, оттолкнул эту руку и встал сам. И вдруг подумал какими-то смешными словами, будто из книги: «Противоречивые чувства бушевали в его оскорбленной душе». Он неожиданно усмехнулся — мать-то, видно, недаром в библиотеке работала — и все еще глядя хмуро, протянул Антону руку.

— Вот и ладно, — весело сказал Антон. — Давай так: ты с чем не согласен, скажи мне; я с чем — тебе. А если что — так вместе.

С тех пор так и пошло. И дружить не дружили, и врагами не были. Спорили иногда, но только между собой, и чтоб никто другой ни-ни...

Арся и сам не знал, как относится он к Антону. С одной стороны, уважал и ничего сам без него не решал. С другой... с другой — все-таки сидела какая-то заноза. Может, из-за этой занозы он и сказал позавчера Антону паршивое слово «струсил». Он вспомнил сейчас, как дернулся Антон, как покраснел и сжал кулаки. А Арсю, когда он увидел эти кулаки, сразу занесло.

— Ну что, ну что? — зло закричал он. — С отцом твоим, видишь, что фашисты сделали? Деревяшку бесчувственную сделали! Инвалида! А ты?! Да я б за это их всех...

Антон ничего не сказал. Ушел. А Карбас молчал, втянув голову в плечи, как будто опасался, что его сейчас ударят. И Арсе стало так тошно, что и море показалось по колено.

— Собирайся, мезенский, вдвоем махнем, — сказал он Кольке, по прозвищу Карбас, и тут же подумал о матери. Записку написать — за ним помчится, искать; не написать — с ума сойдет.

Записки так и не написал, а сейчас вот сидит на деревянном диване на какой-то станции. Как цуциков, вытащил их из товарного вагона, где они за какими-то ящиками при-

тались, военный патруль. Может, и не нашли бы, да этот нескладеха Колька чихнул в самый неподходящий момент. «Это я со страху», — честно признавался он потом, но от этого не было легче, все равно влипли. И верно Антон говорил — сопляки. «Как теперь возвращаться-то», — горько подумал Арся, и тут Карбас тихо спросил:

— Чо будет-то, а?

И, словно отвечая им, откликнулся комендант:

— От навязались на мою голову, вояки! Нету у меня людей, чтоб вас еще до дому сопровождать, нету! — Он погрозил им жилистым пальцем и крикнул лейтенанту, сидящему в углу за другим столом: — Свешников, садись за свой телефон — дозванивайся до архангельской милиции, пусть приезжают, забирают.

«Этого еще не хватало, — подумал Арся, — в школе обхохочутся все. Ну, да впрочем, пусть попробуют! А, провались они к морскому богу все! Не пойду в школу. С Колькой в порт

пойду. И домой не пойду — матери слезы хуже ножа острого... Ерунду, Арсентий, порежь, как ты к матери не пойдешь?..»

— Милиция? Это милиция? — кричал в трубку лейтенант Свешников. — Кто там говорит? Тут у нас...

— Дай-ка трубочку, лейтенант, — сказал комендант. — Алло, кто у аппарата? Ага. Товарищ старший лейтенант, говорит военный комендант станций... Да... майор Черниченко. Тут у нас два бегуна попались... На фронт, конечно, куда же еще? Кто такие? Зараз, — он порылся в бумагах на столе, нашел одну, всмотрелся в нее и продолжал в трубку: — Один школьник, Гиков Арсентий Фомич, двадцать восьмого года рождения, а другой — двадцать шестого года, Шаргин Николай, по отчеству тоже Николай... в порту работает. — Он помолчал и послушал, потом сердито сказал: — А куда я их дену? У меня людей нема отправлять их. И у вас нет? Ага... так... так... — тут он долго молчал, изредка одобрительно покачивая головой, посматривал на Арсю с Карбасом.

Потом наконец сказал:

— Ладно, попробуем, — и повесил трубку.

Он подошел к ребятам и, уперев руки в бока, начал их насмешливо рассматривать.

— Ну, вот что, герои, — он усмехнулся, — даете честное пионерское, что сами до дому доедете?

Карбас обиженно засопел, а Арся поднялся с дивана и потянул Кольку за собой.

— Чего уж там, — сказал Арся, — доедем, раз, вы, — он исподлобья посмотрел на майора, — все равно на фронт не пускаете.

— Значит, слово? — спросил майор.

— Слово, — буркнул Арся.

А Карбас опять засопел.

— Чего сопишь? — спросил комендант. — Обмануть меня думаешь? Так скажи спасибо, что тебе шестнадцать еще нет. А то за прогул в военное время тебе знаешь что полагается?

Он стал между ребятами и неожиданно обнял их за плечи.

— Езжайте, пацаны, — сказал он. — Там для вас вроде очень интересное дело намечается.

— Какое еще дело? — недовольно спросил Карбас.

— В Архангельске узнаете. Езжайте и сразу по домам. Матери небось с ума сходят. Свешников, посади их в первый поезд на Архангельск.

Серьезный лейтенант Свешников быстро пристроил их на тормозную площадку товарного вагона, строго наказав стоявшему там бойцу охраны доставить их в Архангельск.

— Целенькими, как огурчики, — сказал он и, не оглядываясь, ушел.

— Как огурчики... — проворчал Карбас, — а, однако, под охраной.

— Дались вы мне, — презрительно сказал пожилой боец, — подумаешь, ценный груз — охраняй еще вас.

ЭКСПЕДИЦИЯ

Среди ребят по городу загуляло заманчивое слово «экспедиция». Хотя, в общем-то, Архангельск экспедициями не удивишь, как-никак история покорения Россией Арктики началась с основания Архангельска, но та, о которой в середине мая 1942 года заговорили все архангельские мальчишки, была совсем необычной. Поэтому не мудрено, что как только городской комитет комсомола кинул клич, к кинотеатру «Эдисон», где должно было начаться первое собрание добровольцев, потянулись толпы ребят.

«Яично-птичная» — так обыденно и даже немного смешно называли эту экспедицию официально. Но мало кто смеялся над этим названием — само дело было очень серьезным, нужным и, чего там таить, опасным. Поэтому те, кто собирался в эту экспедицию, гордо называли ее «Промысловой», а тот, кто хотел чуть-чуть прихвастнуть, говорил: «Военно-промысловая». Да, если подумать, не очень-то они и хвастали. Действительно промысловая и действительно военная: надо ведь было пройти Баренцевым морем, которое кипело не только от волн и бурунов, а и от фашистских бомб, торпед, мин, снарядов.

Много чего передумал капитан Замятин, глядя на эту то галдящую, то напряженно-молчаливую толпу ребятни, сидевшую в зале кинотеатра.

Морщил свой лоб и старый капитан Громов, который тоже был в этом зале: горком комсомола просил его возглавить экспедицию. Отказываться было нельзя — дело серьезное. Много чего повидал он за свою большую и нелегкую жизнь, знал море, как половицы в доме, водил корабли и в шторм, и в туман, и во льдах, а вот такой армией салажат командовать не приходилось. «Сдюжу ли?» — думал Громов, слушая речь секретаря горкома.

Тот говорил коротко и четко: положение на фронтах, роль Архангельска как единственного сейчас порта в европейской части России, который может обеспечить транспортную связь с союзниками, необходимость кормить людей — голод давал себя знать все сильнее.

— И все мы уверены, — говорил секретарь, — что вы с честью выполните свою трудную задачу на Новой Земле и поможете нашему городу выдержать войну с голодом.

«Справлюсь!» — решительно подумал старый капитан. — Должен справиться».

Заканчивая речь, секретарь горкома сказал:

— Только прошу учесть, для участия в экспедиции обязательно нужно получить разрешение родителей, учителей и школьного комитета комсомола.

И тут поднялся такой гвалт, что у капитана Громова заболели уши...

«Только с согласия родителей, учителей и общественных организаций!» Только так. Комиссии там разные можно при умении и обойти, а вот родителей... Каких родителей? Мате-

рей. Почти у всех либо матери, либо бабки остались. С отцами проще бы было. Да где они, отцы?

... — Никуда не поедешь! — в сердцах сказала мать.

— Поеду! — заорал Боря и стукнул кулаком по столу.

Мать охнула и села на табуретку, а девчонки от удивления перестали плакать и, открыв рты, уставились на брата. И тогда заплакала Ольга Ивановна. Она плакала тихо, покачиваясь, а большие натруженные руки ее чуть вздрагивали на коленях.

И, вторя ей, ревели Надька, Верка и Любка. Они сидели рядом на кровати и тоже начали качаться взад и вперед, взад и вперед, и размазывали по лицам грязными ручонками слезы.

— Ладно, куда я от вас денусь?.. Не поеду я, — проговорил он сквозь зубы.

— Правда, Боренька? — встрепенулась мать.

Борька кивнул.

— Ну вот и ладно, вот и хорошо, мы и дома проживем, — быстро и уже радостно заговорила мать, вытерла слезы, встала, утерла концом передника носы девчонкам, прикрикнула на них и сразу захлопотала, забежала — спорая, веселая, добрая. Такой ее Борька давно не видел.

Он снова уставился в окно, переживая свое поражение и проклиная себя за слабость характера. Под окно подошел Зубатик, уселся, подмел мохнатым хвостом тротуар и поглядел на Борю, вывалив розовый язык. Боря с досады скорчил ему рожу. Зубатик склонил голову набок — удивился, потом тихонько тявкнул — айда, мол, на реку. «А пошел ты!» — подумал Боря и ничком хлопнулся на свою кровать.

...Арся вошел в класс уже после звонка. Сделал он это нарочно — по крайней мере, никто сразу не накинется с расспросами: где был, да что делал, да что, вообще, случилось... К тому же первым уроком была география, и то, что в классе был добрый, старенький Иван Иванович, немного успокаивало.

— Можно? — спросил Арся, стоя в дверях.

Иван Иванович молча кивнул.

Проходя к своему месту, Арся незаметно приглядывался к ребятам, вроде бы ничего. Все увлеченно слушали учителя. Антон даже не повернул головы в его сторону, Морошкин чуть-чуть ухмыльнулся и сразу уставился в окно. Только староста класса Тоська Жукова строго посмотрела на него и погрозила пальцем. «Ладно, — подумал Арся облегченно, — от нее-то уж как-нибудь отверчусь».

Иван Иванович почему-то рассказывает сегодня о Новой Земле, хотя по программе было совсем другое. Арся сел на свое место рядом с Борей-маленьким, Боря — нахохленный и грустный — кивнул ему.

— Ты чего надутый такой? — тихо спросил Арся.

— Да так, — вяло ответил Боря, — мать не пускает.

— Куда?

— Как куда? — удивился Боря. — В экспедицию...

— Какая еще экспедиция? — в свою очередь удивился Арся.

— Да ты что, не знаешь? Весь город знает, а он... А-а-а, — сообразил что-то Боря. — Ты где был-то?

— Где был, там уже нет, — сердито сказал Арся.

— Да я так. Раз, думаю, про экспедицию не слышал, значит...

— Ничего не значит, — оборвал его Арся. — Говори: какая еще экспедиция?

Громким шепотом Боря рассказал ему про собрание в кинотеатре «Эдисон», про то, как загудела, забурлила школа, про то, как хочется ему ехать, а мать не пускает...

Иван Иванович один раз посмотрел в их сторону, но ничего не сказал, и Боря, горячась и волнуясь, все говорил и говорил, но Арся его уже не слышал. «Пожалуй, дело, — думал он — Все не за печкой сидеть, да и на Новой Земле побывать интересно. Не иначе про это и говорил тогда тот самый майор. Что ж, попробуем, да и Кольку-Карбаса прихватить можно».

Настроение у Арси улучшилось, и тут же он вспомнил мать.

... Когда он пришел домой после их с Колькой злополучного побега, мать сидела за столом, положив руки на скатерть. Арся посмотрел на эти руки, еще недавно такие красивые, тонкие, белые, а сейчас какие-то землисто-серые, покрытые царапинами и ссадинами, усталые, и у него защемило сердце.

— Где ты был? Где ты был? — только и спросила она, глядя на него такими тревожными глазами, что ему захотелось брякнуться на пол рядом с ней и уткнуться головой в ее колени, как иногда делал он маленьким. Но сейчас он не сделал этого. Постеснялся.

— Не сердись, мама, — с трудом сказал он. Помолчал и, опустив голову, добавил: — Я больше не буду.

Мать неожиданно рассмеялась.

— Эх ты, первоклашка! — сказала она и разлохматила ему волосы. И сразу же опять стала грустной.

— Я тебя понимаю, — сказала она. — Но и ты меня пойми. От отца ничего нет. Где только его танкер война носит? А тут еще ты.

... Вспомнив сейчас все это, Арся поморщился. Не отпустит она его, как и Борьку, не отпустит. И от этой мысли еще больше захотелось ему ехать, хотя бы и на Новую Землю.

На перемене он хотел подойти к Антону, но тот глянул так отчужденно, что Арся сразу же отвернулся. «Ну и правильно, — подумал он с горечью, — чего ему, на меня радоваться, что ли?»

В коридоре его окружили ребята.

— Поедешь, Арся? — спросил кто-то.

Он хмуро посмотрел на мальчишек: все явно ждали его ответа.

— Не знаю, — сказал он и, злясь на себя и на всех, буркнул: — Подумаешь, экспедиция...

Он раздвинул замолчавших ребят и ушел. Никого не хотелось видеть.

А дома за ужином он лениво ковырял вилкой в тарелке — даже есть не хотелось — и слушал последнюю сводку Информбюро. «На Керченском направлении после упорных боев наши войска отошли на новые позиции», — доносило из черной тарелки репродуктора.

Мать вздохнула и вдруг спросила:

— Ты про экспедицию на Новую Землю слышал?

— Ну, слышал, — нехотя ответил Арся.

— Поедешь?

Арся удивленно взглянул на нее.

Мать смотрела куда-то в стену, и лицо у нее было спокойным, только чуть-чуть дрожали губы.

— А как же ты, мама? — неуверенно спросил он.

— Я? Ну что ж, я... перетерплю как-нибудь, — бодрясь сказала она. — А тебе... тебе, наверное, надо ехать... Я ведь понимаю. Если ты не поедешь, кто ж тогда поедет?

И Арсе опять захотелось уткнуться головой в ее колени.

...Мачеха выговорила себе работу только в вечернюю и ночную смену, а днем, когда Антон был в школе, не отходила от отца, успевая при этом все сделать и по дому, и для него.

А когда она работала, с отцом оставался Антон.

Отец не стонал, не жаловался, но Антон видел, как ему тяжело, и тяжело, пожалуй, не столько физически, сколько на душе от полной своей беспомощности. Антон, как мог, старался отвлечь его от этих мыслей, рассказывал ему про школу, про город, читал газету, и однажды рассказал про экспедицию. Отец сразу заволновался, видно было, что он что-то хочет сказать, но от волнения только мычал непонятное.

— Да ты не волнуйся, — сказал Антон. — Я-то никуда не поеду.

— Из... из-за... ме-ня? — выговорил отец.

Антон растерялся, и отец, конечно, сразу почувствовал эту его растерянность. Но тут пришла мачеха, и Антон под каким-то предлогом быстро ушел в другую комнату. Он сел на диван и зажал голову руками.

Скрипнула дверь — в комнату вошла мачеха.

— Отец считает, должен ты ехать, — тихо проговорила она.

Антон мотнул головой: вдруг вспомнились слова Арси об отце. «Как же я брошу его... их», — поправил он себя и взглянул на мачеху. Она тихо ждала его решения. Смотрела так, словно думала, что он уедет, подкинув ей на попечение неподвижного инвалида. Уедет за приключениями, за сытой жизнью.

— Да останьте вы от меня с этой экспедицией! — громко крикнул он и выскочил на улицу.

Домой он вернулся поздно вечером. Мачеха что-то делала на кухне.

— Пройди к отцу, — не поворачивая головы, проговорила она.

Отец лежал все в той же позе, но глаза его смотрели уже не тоскливо, а сурово.

— Ну вот что, — с трудом двигая языком, проговорил отец. — я... п-приказ-ываю тебе ехать, ппонял?

Антон кивнул. Говорить он уже не мог.

Димка тащился за Баландой чуть ли не через весь город. Баланда шел неторопливо, вразвалочку и не оборачивался. Ему явно нечего было делать, и он то останавливался у пустых витрин магазинов, то поднимал с тротуара нерасчетливо недокуренную кем-то папиросу, то лениво гнал перед собой пустую консервную банку. У моста через Кузнечиху Баланда остановил английского матроса. Димка спрятался за угол — Баланду упустить не хотелось. А тот, отчаянно жестикулируя, пытался о чем-то договориться с морячком. Матрос широко улыбался и непонимающе разводил руками. Потом вроде был догадался, полез в карман и, достав оттуда пачку сигарет, протянул ее Баланде. Баланда тоже заулыбался и похлопал моряка по плечу. Тот козырнул и, посвистывая, направился в Димкину сторону. Димка вышел из-за угла и тут же заметил, что перед Баландой — откуда он только по-

явился? — стоит Антон и что-то сердито говорит. Димка подошел к ним.

— Здорово, — сказал он.

Антон протянул ему руку и сказал, усмехаясь:

— Ну вот и нашли твоего «друга». Этот?

— Этот, — ответил Димка.

Он увидел, как Баланда побледнел — как-никак, Антон был выше его на полголовы. Но почти сразу нахальная улыбочка растянула его толстые губы.

— Дружок? — спросил он. — Да я его впервой вижу!

— Ах ты... — заорал Димка, но Антон остановил его.

— Этот, — сказал он. — И смотри, если еще раз... — Антон повертел кулаком перед носом Баланды. — И вот что, гони-ка сюда сигареты! — И он быстро вырвал из рук Баланды пачку сигарет.

— Двое на одного, да? — занял Баланда. — Ладно, длинный, попомнишь, — пригрозил он, отойдя от них подальше.

— Айда! Еще догоним англичанина, — сказал Антон и быстро зашагал.

Моряка они догнали, когда тот уже сворачивал с набережной. Антон придержал его за локоть и молча протянул пачку сигарет. Моряк удивленно посмотрел на него, улыбнулся и ладонью отодвинул Антонову руку.

— Бери, бери, — мрачно сказал Антон, — мы в подарках не нуждаемся.

— Уи... донт... смок. Не курим, — сказал Димка.

Матрос пожал плечами и сунул сигареты в карман.

— Уи ар френдз, — сказал он, словно оправдываясь, — друг!

— Друг, — буркнул Антон, и они разошлись.

— Чего ты на него? — спросил Димка. — Хороший ведь парень.

— Все они хорошие, — проворчал Антон, — а второй фронт не открывают.

— А он-то тут при чем? Ты об этом Черчиллю скажи.

— И сказал бы!

— Телеграмму отправь. Он за тобой линкор пришлет. Так, мол, и так, мистер Антон, хочу лично с вами насчет второго фронта потолковать...

Антон не выдержал и засмеялся. Некоторое время они шли молча, потом Антон спросил:

— Ну как у тебя? Не пускают?

— Не пускают.

— Может, к твоим родителям сходить?

— Ты моего отца не знаешь, — вздохнул Димка и, попрощавшись с Антоном, повернул к дому. У калитки он догнал капитана Громова и тут же обрадовался. «Вот кто поможет, — подумал он, — старик-то как-никак, а начальник экспедиции и ко мне, кажется, неплохо относится».

— Афанасий Григорьевич! — решительно окликнул он старого капитана.

— Ну? Что скажешь, моряк — с-печки-бряк?

— Возьмите меня в экспедицию! — выпалил Димка и с надеждой посмотрел на Громова.

— Хм-м... в экспедицию? — капитан с сомнением осмотрел Димку с головы до ног. — Слабоват ты еще. Не выдюжишь, пожалуй.

— Выдюжу! — крикнул Димка. — Вы только возьмите!

Димкин отец был дома. Он устало сидел за столом и лениво помешивал ложечкой чай в стакане. Громов сразу пошел в наступление.

— Вот что, товарищ Соколов, — бодро сказал он, — возьму-ка я твоего парня с собой в экспедицию!

Константин Николаевич удивленно поднял брови, потом сухо сказал:

— Никаких экспедиций. Куда он такой...

— Я уже совсем крепкий! — крикнул Дима, сжав кулаки.

— Твое мнение, — все так же сухо сказал отец, — в данном случае во внимание не принимается.

Димка отвернулся к окну. К горлу подступал вязкий комок. Мать взялась рукой за сердце.

— Вот не думал, — с досадой сказал Громов, — что ты, такой боевой мужик, своего сына у бабьего подкола держать будешь. Знаешь, каким от оттуда вернется?

— Если вернется... — сказал Соколов, — да и не в этом дело. Просто я принципиально против этой затеи. Пользы от этих мальчишек будет на грош, а потери — невозполнимы.

— Как это «на грош»! — багровея, закричал старый капитан. — Ты будто не знаешь, что в городе делается: детишки, раненые, эвакуированные... А сто парнишек на Новой Земле сколько промыслить смогут! Ого!

Соколов-старший хотел что-то возразить, но тут неожиданно вступила в разговор Марфа Васильевна.

— И что это ты за неверя такой, Константин Николаевич? — сказала она. — Как у нас на поморье говорят-то? Море строит человека. Ране у нас кормишки своих сынков с восьми годков брали. А опасностей и тогда немало было. Твоему-то парню тож при деле хочется.

— Может... пусть едет, а, Костя? — робко сказала Виктория Юрьевна.

Недобро прищурившись, отец взглянул на мать.

— Вот как? — спросил он с усмешкой, потом жестко добавил: — Ну, что ж, если вы, капитан, на себя берете ответственность, я, пожалуй, соглашусь. Но с себя я ответственность снимаю. — И он вышел из дому, хлопнув дверью.

— Ответственность, ответственность... — раздраженно сказал Громов, — я ответственности не боюсь, но и между вами всеми мне становиться тоже не больно-то нужно... Да и верно — жидковат он еще. Медицина все равно не пропустит.

Опустив голову, Димка вышел в палисадник. Медицина... Месяц назад он и небольшого чемодана поднять не мог. Он подошел к бревну, взялся за комель и попробовал приподнять конец. Ничего не вышло. Ноги дрожали, и

сердце колотилось, как бешеное. Он присел на бревно, отдышался, и тут его осенило. Он пошел искать Антона. Нашел его только к вечеру на рыбной фактории, где у одного из причалов стояла «Зубатка».

— Выручай, Антон, — сказал Димка.

Антон вопросительно посмотрел на него.

— Боюсь, что медкомиссия меня не пропустит.

— Скорей всего, — сочувственно сказал Антон.

— Слушай, — горячо заговорил Димка. — А если вместо меня кто-нибудь сходит, поздравее...

— Что-то я не пойму, — сказал Антон уже неприязненно, — под твоей фамилией, что ли? Значит, обманом хочешь?

— У нас из блокадного Ленинграда ребят на фронт брали, — с отчаянием сказал Димка, а я ведь не спрятаться хочу! Не на прогулку же! С вами хочу, понимаешь!

— Кто там с тобой нянчиться будет? — угрюмо спросил Антон. — Я-то помню, как ты на песке тогда валялся.

— Да смогу я! — закричал Димка. — Смогу!

— А если и сможешь — все равно обман это. И в этом деле я не помощник. Вот так!

Димка резко повернулся и, не оглядываясь, ушел. «Обман... — думал он с горькой обидой, — ишь ты, правильный какой! Друг еще называется... Все по-ни-мает... Ни черта он не понимает! Воспитатель!»

Он шел, понутив голову, и слезы накали на глазах. Все! Все, никуда ты не поедешь, Димка Соколов. Кончилась твоя экспедиция... Все надежды лопнули.

На углу Поморской и Виноградова его остановил Арся Гиков.

— Эй, питерский, — сказал Арся, — ты чего такой смурной? Стряслось чего-нибудь?

Обида на Антона, на Громова, на отца, на весь свет не проходила и, услышав сочувственное слово, Димка выложил Арсе все. Тот неожиданно воодушевился.

— А что, — сказал он весело, — сам пропадай, а товарища выручай. Ну его, Антона — гордый он больно. Я пойду!

— Ты?! — ахнул Димка. — Вот... вот спасибо-то! — И подумал: «Вот это парень!»

— Только ты сам-то не оплошай, — сказал Арся добродушно, — во ты еще какой... тощей.

— Тощей, тощей! Сказал, смогу — значит, смогу! — вспыхнув, крикнул Димка.

— Не сердись, — сказал Арся, — Антон ведь тоже о тебе думал.

«Антон, — с некоторым злорадством подумал Димка, — на-ко вот тебе, воспитатель! И без тебя обойдемся». Нельзя сказать, чтобы его не точили сомнения — выдюжит он на Новой Земле или нет, но отступать было поздно. И через день в его кармане лежала справка, в которой говорилось, что Соколову Дмитрию по состоянию здоровья разрешается принять участие в птично-яичной промысловой экспедиции...

Продолжение следует

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В этом номере журнала вы прочитаете о Комсомольске-на-Амуре. Готовясь к юбилею комсомола, мы расскажем вам о славном комсомоле, о верных его дочерях и сынах.

Какие бы дела ни начинала Страна Советов — всегда впереди были парни и девушки с комсомольскими значками.

«Твой старший брат — комсомол» — так будет называться новая рубрика нашего журнала.

Тебе, наш читатель, мы предлагаем стать пытливым корреспондентом, неутомимым следопытом-историком. С друзьями или один, вооружившись блокнотом, ручкой, фотоаппаратом, отправляйся в поиск!

Вот четыре поисковых задания.

Задание первое. ИМЕНИ КОМСОМОЛА.

Совхозы, колхозы, села, улицы, фабрики, заводы, пароходы носят названия «Комсомольский», «Комсомолец».

Узнайте и напишите в «Костер»: когда, за какие заслуги перед страной им присвоено это имя.

Как вы в своей дружине встречаете юбилей комсомола?

У вас есть старшие братья, друзья, товарищи — комсомольцы. Какие они? За что вы их любите и уважаете?

Задание второе. ПАМЯТИ КРАСНОДОНЦЕВ.

Имена молодогвардейцев Олега Кошевого, Ульяны Громовой, Любви Шевцовой и других ребят из организации «Молодая гвардия» носят многие улицы нашей страны, пионерские отряды, дружины.

Если вы живете на такой улице, если учитесь в такой дружине (отряде), расскажите нам о них.

Задание третье. НЕЧЕРНОЗЕМНЫЙ КРАЙ.

В 1974 году со всем советским народом комсомольцы начали осваивать земли Нечерноземья. Здесь уже встали новые совхозы и животноводческие комплексы, красивые поселки, а впереди еще столько перемен!

Ребята, живущие в Нечерноземной зоне! Напишите нам:

Как за последние три года изменилась жизнь вокруг вас?

Что для этого сделали комсомольцы?

Задание четвертое. КОМСОМОЛ — БАМУ.

Магистралью века назвали БАМ, всесоюзную комсомольскую стройку. Тысячи юношей и девушек по путевкам Ленинского комсомола приехали, чтобы строить эту дорогу. Но не только они — молодежь всей страны участвует в этом важном государственном деле.

Как комсомольцы вашего города, деревни, села помогают строительству БАМа?

Как вы, пионеры, участвуете в этой всенародной стройке?

Присылайте ваши сообщения
по адресу:
193015, Ленинград,
Таврическая ул., 37, «КОСТЕР»

БАРАБАН

ЖУРНАЛ ЮНКРОВ

Оформление Л. Каминского

НАЧИНАЕТСЯ НОВЫЙ
ЭТАП ВСЕСОЮЗНОГО
МАРША ПИОНЕРСКИХ
ОТРЯДОВ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
60-ЛЕТИЮ
ВСЕСОЮЗНОГО
ЛЕНИНСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.
ДЕВИЗ—„МЫ ВЕРНАЯ
СМЕНА ТВОЯ,
КОМСОМОЛ!“

ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ — КОМСОМОЛ

— Улица Ленина в нашем маленьком городке — самая знаменитая. Есть на этой улице дом № 255, на стене которого памятная доска. В доме родился Олег Кошевой, Герой Советского Союза. Дом обычный. Можно отворить калитку, войти в сад, постоять под яблоней или кустом сирени...

Недалеко от этого дома школа, где есть музей имени «Молодой гвардии». По традиции именно в музее проходят сборы на важные темы нашей пионерской жизни. Был, например, сбор на тему «Равнодушие — бой!» Мы знаем, что Олег Кошевой не выносил людей пассивных, изнывающих от скуки бездельников. На нашем сборе мы представили себе Олега Кошевого — редактора школьного «Крокодила», значкиста БГТО — нашим гостем. После этого сбора каждый задумался еще раз: «А я сам-то какой? Каким надо быть, если носишь звание пионера, комсомольца?»

У дома, где родился Олег Кошевой

В музее имени «Молодой гвардии» каждый день бывает кто-нибудь из приезжих. Ребята водят экскурсии, рассказывают и о жизни своей пионерской дружины.

*Красные следопыты
школы № 7 города Прилуки
Черниговской области*

Активно включайтесь в подготовку к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов на Кубе.

«Барабан» ждет рассказы о дружбе с пионерами разных стран, о переписке с зарубежными друзьями, о поездках во время

школьных каникул, о работе и планах клубов интернациональной дружбы. Лучшие рисунки, плакаты, фотографии, посвященные теме борьбы за мир, дружбе и солидарности, будут напечатаны в «Барабане».

На интернациональном Дне труда. 5470 рублей перечислили в Фонд Солидарности делегаты международной встречи в „Артеке“... Пусть всегда будет солнце!

УМЕЙТЕ ДРУЖИТЬ!

На встрече с юнкорами Т. В. Федорова, Герой Социалистического Труда, заместитель начальника московского метрополитена имени В. И. Ленина:

— Я помню, как стала пионеркой. Не было у нас тогда ни прекрасной формы, ни отливающих медью труб и барабанов. Но были мы сами, группа сельских ребят, которые собрались, чтобы создать первый пионерский отряд. И был еще первый вожатый, который повязал нам красивые галстуки и сказал: «Помните, вы — хозяева страны, вам ее делать прекрасной!» Эти слова я пронесла по жизни. И теперь хочу

сказать эти же слова вам. Будьте смелыми, трудолюбивыми, всегда боритесь за справедливость и правду!

Советская родина горячо заботится о своем юном поколении. Наше советское государство гарантирует юным гражданам право на бесплатное обучение и отдых, право на охрану здоровья.

Наша счастливая детвора должна помнить, что в жизни не всегда бывает солнце, что еще надо бороться, чтобы во всех уголках Земли засияли беззаботные солнечные лучи. Поможет всем детям мира в этом, конечно, дружба. Самая настоящая, самая верная и крепкая!

Т. В. Федорова среди ребят

Фото Б. Кириллина

О том, как на Кубе готовятся к фестивалю, рассказал Фруктосо Метос, заместитель председателя Союза за пионеров Кубы:

— Мы очень ценим дружбу с Советским Союзом. Мы с большим удовольствием встретим у себя в Гаване советских юношей и девушек, советских пионеров, которые приедут летом.

Летом Гавана — столица Кубы станет столицей XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Школьники тоже будут делегатами и гостями Кубы в эти дни.

Мы уже начали активно готовиться к XI Всемирному.

Думаю, что предложим ребятам много интересных совместных дел!

Авторы этого плаката — пионеры из Монгольской Народной Республики Л. Моломжамц и Д. Энхжаргал

„ПУСТЬ ВСЕГДА БУДЕТ МИР!“

На Севере я оказалась впервые. Живу с мамой и папой в Усинске, папа — нефтяник, работает на нефтяной скважине в Воззе.

Раньше мы жили в Таджикистане. Разговоры о переезде на Север шли, и мне на Север хотелось давно. Только вот я боялась комаров и того, что мне будет скучно без старых друзей. Все они остаются на юге.

Здесь, в Воззе, оказалось очень красиво. Солнце светит почти круглые сутки. И совсем не бывает дождей. Цветов мно-

КАНИКУЛЫ на севере

ПИСЬМО ЮНКора

го. И такие красивые: иван-чай, кашка, пионы, незабудки... Трава здесь не такая, как на юге, — высокая, сочная, зеленая. В лесу — морошка, грибы. Нефтяники живут в вагончиках — балках. Есть такой вагончик и у папы.

Комаров многовато, приходится спать под марлевым пологом. Но ведь комары пока еще никого не заели! И меня они больше не страшат.

Очень мне Север понравился!

Натasha Круглая,
Усинск Коми АССР

Заветная страничка Я мечтаю

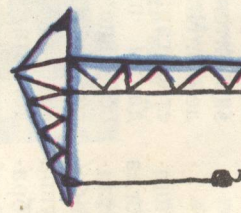
Я проснулась на рассвете.
У окошка я сижу
И на горные вершины
Я задумчиво гляжу.

Я мечтаю стать пилотом
И летать по всей стране,
Над горами, над лесами,
В синей-синей вышине.

Я мечтаю альпинисткой
Подниматься по горам,
Я мечтаю стать артисткой
И отправиться на БАМ.

Стать на стройке крановщицей
И подъемный кран водить,
Чтобы вырос новый город,
Где все дружно будем жить!

Вяола Оганян,
12 лет, Степанакерт
Азербайджанской ССР

РОДНОЙ ГОРОД

Что это за город?

Вон речка, вон вокзал.

А рядом с этой речкой

Большущий комбинат,

Чугун там в домнах варят,

Прокатывают сталь.

А что за этим городом?

Магнитная гора.

Там тоже люди трудятся

С раннего утра

И добывают много

Подземного добра.

У нас дома красивые,

У нас заводы нужные,

В рабочем нашем городе

Люди очень дружные.

Марина Ильина,
5-й класс,
Магнитогорск

КАК Пята и Серёжа волка проучили

По рассказу
Коли ЕФИМОВА из Курска

-Серый-2! Серый-2!
я-яга-из! В лесу гото-
вится праздник Елки!
передаю координаты...

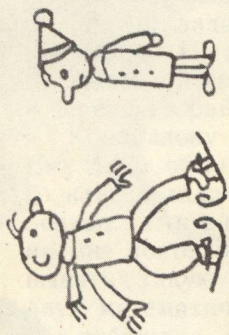

-Я Серый-2! Вас
понял! Я им покажу
праздник! Приступаю
к операции!...

Находивший благоски

— Ты почему матери не помо-
гаешь?
— Помогаю: она сегодня мой
портфель собирала, а я ей расписа-
ние уроков диктовал.
— Зачем ты с меня списываешь?
У меня же второй вариант.
— А что ты предлагаешь? У тебя
других-то вариантов нет!

Учитель:
— Что ты знаешь об Италии?
Ученик:
— Италия имеет форму резинового
сапога...

Учитель:
— Расскажи, что ты знаешь о ми-
кробах.
Ученик:
— Это мелкие животные без
кожи.

Прислала
Оля Гуркина,
село Три Озера

-У вас есть
хороший
компас?

-Петька! Да
это же волк!
Он что-то
затаял!

СПОРТТОВАРЫ

-Спасибо, ребята, за
помощь! Приглаша-
ем вас на празд-
ник!

Карраул!
Заблудился!
Ну и компа-
сы выпуска-
ют!!!

— Что мне делать: встану на конь-
ки, ноги разъезжаются!
— А ты надень левый ботинок на
правую ногу, а правый — на левую.

— Мама, зачем ты рассказывала, что
я сегодня не умывался?
— Я не рассказывала.
— А как же они узнали?

Прислала
Рая Мазина,
9 лет,
Севастополь

КОМСОМОЛЬСК

СТАРЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Нам хотелось скорее попасть в пионерский лагерь. Но когда мы прибыли на стоянку катеров, выяснилось — нашего катера нет, ушел.

— Подождем, — сказала Антонина Филипповна.

И я послушно сел на лавочку возле вахтового домика. А Антонина Филипповна прислушалась к тому, как, вздыхая и отдуваясь, пьет в домике чай вахтерша.

Перед тем как выехать на базу катеров, Антонина Филипповна позвонила вахтерше. Но пока та пила чай, моторист куда-то укатил...

И Антонина Филипповна сделала вахтерше выговор.

Мне даже как-то неуютно стало от такой ее строгости.

— Зачем же уж так-то?.. — сказал я.

Антонина Филипповна села рядом и отмахнулась веткой от мошки, которая серым текучим облачком висела над нами.

— Мы же не сами по себе, — сказала она задумчиво. — Мы наследники комсомольцев тридцатых годов... Тех ребят, которые построили эти заводы, этот город... А они были строги к себе. Ах как они были строги!

И лицо Антонины Филипповны стало даже немного растерянным. И ясно было, что комсомольцы тридцатых годов представляются ей великими людьми, до которых тянуться и тянуться...

Сопки на том берегу Амура были мрачными, синими. Они походили на осевшие гроззовые тучи.

Амур отблескивал знойно и бело. И ширина его скрадывалась этим блеском. Но когда ночью наш поезд переезжал реку, то колеса громыхали о мост так долго, что мой сосед по купе успел раздеться, лечь и уснуть.

— До того, как меня выбрали секретарем райкома комсо-

мола, я работала в школе учителем математики, — сказала Антонина Филипповна, — и взяла такой генеральный курс: искать умы выдающиеся и развивать их.

— Нашли?

— Нашла. Был у меня ученик — Коновалов. Ленивый и добрый увалень. Мне в нем почудилась какая-то искра. Стала я его учить по своей программе. Шестой класс — а он решает задачи для студентов ВУЗа. И, надо сказать, с большим интересом. А затем я перешла в райком комсомола, и Коновалову стало скучно. Ему дают обычную для шестого класса задачку, а он цедит лениво: «Антонина Филипповна мне постеснялась бы подсовывать такую ерунду. Я на двух математических олимпиадах побеждал...» Словом, Коновалов стал вести себя вызывающе. Пришлось его перевести в другую школу. А мне сказали: «Избаловала мальчишку!»

Антонина Филипповна посмотрела на меня растерянно.

— Разве я его баловала? Я к нему относилась очень требовательно, такую давала нагрузку!

Она замолчала.

— Едет!

И мы увидели, как летящий в сверкающих брызгах катер заложил красивую дугу, подошел к причалу и замер, как стреноженная лошадь.

ВМЕСТЕ СО ЛЬДОМ

Моторист глянул на нас с Антониной Филипповной молодыми желтыми глазами, усмехнулся:

— Впилим?

— Впилим, — согласилась Антонина Филипповна. И моторист, оттолкнувшись от причала, сразу же дал полный газ.

Шлепая днищем по мелкой волне, катер вынесся на середину Амура. Брызги двумя прозрачными крыльями, сверкая, взлетели от носа, и одно

из них на повороте накрыло нас.

Моторист засмеялся:

— И купаться не надо!

Синие горбы сопки стали наползать друг на друга, все шире раскрывая горизонт. На дне распадков белели домики пионерских лагерей. Амур, казалось, плавился от зноя. И как-то даже не верилось, что ниже по течению, возле Николаевска-на-Амуре, устье реки забито приплывшим из Арктики льдом и много судов стоит на якоре и не может выйти в море.

Сорок шесть лет назад вместе с весенним льдом вышел из Хабаровска пароход «Коминтерн» с комсомольцами, которых впоследствии назовут первостроителями Комсомольска. Лед не торопясь уходил в море. И так же медленно плыл во льдах «Коминтерн».

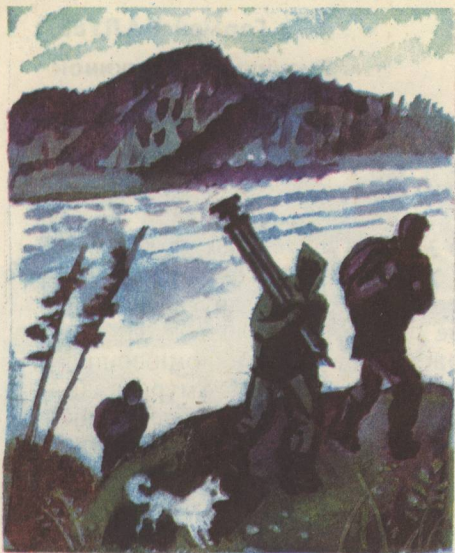
Теплым майским утром ребята увидели домики села Пермского. Перед селом на берегу Амура белой полоской лежал лед. Прямо за домами черной стеной стояла тайга.

— Ура! — кричали комсомольцы. — Даешь комсомольский завод! Даешь город!

А на следующее утро осмотрелись: болота кругом, тайга непролазная, обуви крепкой ни у кого нет, по две пилы приходится на бригаду из двадцати человек и по два топора. По современным нашим понятиям нечего было и думать с такой оснащенностью браться за строительство завода и города.

— Но ведь построили! — сказал мне Михаил Николаевич Ополев. И сам в недоумении развел руками.

Я сначала познакомился с портретом Михаила Николаевича. А потом уж и с ним самим. Ополев — почетный гражданин города, а портрет его висит в краеведческом музее. На портрете Михаил Николаевич похож на переодетого генерала. А на самом деле он небольшого роста, веселый, бодрый, скорый на ногу — на генерала совсем не похож.

Они все тогда в бригаде подобрались такие. Хозяйка дома, где они в первую ночь ночевали, даже руками всплеснула:

— Ой, какие же вы все маленькие!

Их бригаду из-за одинакового роста прозвали: бригада «Стандарт».

На второй день после прибытия они поставили шести-

местные палатки. А 22 мая выпал снег, да такой обильный, что палатки обвалились под его тяжестью.

А зима грянет, что делать? Тревожно стало на душе у ребят. Решили вкапываться в берег Амура — землянки копать. Шалаши начали ставить: жерди да глина — вот и весь строительный материал. А внутри — печка. Какой-то шутник и название придумал первым жилищам Комсомольска-на-Амуре — «Копай-город».

Лица от укусов мошки у всех распухли. Одежда висела лохмотьями. Обувь порвалась — научились делать деревянные башмаки. Но комсомольцы были горды тем, что партия доверила им укреплять Дальний Восток. Они считали, что им отчаянно повезло.

Они нашли выход из самых, казалось бы, безвыходных положений. Нет инструмента, нечем тайгу сводить — возникла идея корчевать деревья «нахальным» способом. Подрубали корни, затем один влезал на вершину, привязывал

веревку. Потом всей бригадой тянули за веревку, валили дерево.

— Утром выйдешь из шалаша, — рассказывал мне Михаил Николаевич, — на ребят смотреть страшно, все как прокаженные — лица опухшие, в нарывах: цинга!

Стали делать отвар хвои. Пока кружку этого отвара не выпьешь, обеда тебе не дадут. А весной черемша пошла. Противно, но с солью есть можно. Черемша и спасла ребят от цинги.

А летом пяти лучшим рабочим, и Ополеву в том числе, выпало счастье погостить у моряков Амурской Краснознаменной флотилии. Такой их наградили поездкой.

На корабле командир спросил их:

— Сначала покушаем, а потом посмотрим корабль? Или сначала посмотрим, а потом покушаем?

— Покушаем! — в пять глоток сказали ребята.

Ополев улыбнулся и головой покачал, вспомнив те далекие

БЕСЕДА
У КОСТРА

ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ— КОМСОМОЛ

На Дальнем Востоке в первом комсомольском городе нашей страны Комсомольске-на-Амуре редакция «Костра» провела сбор, в котором участвовали люди разных поколений: коммунисты, которые десятки лет назад были комсомольцами и первостроителями города, комсомольцы и пионеры.

Всем им были заданы одинаковые вопросы: «Что тебе дал комсомол?» и «Что ты дал комсомолу?»

Вот что они ответили:

Михаил Николаевич Ополев, почетный гражданин Комсомольска-на-Амуре, заслуженный строитель РСФСР, председатель городского Совета ветеранов.

— Что мне дал комсомол? Все!

Комсомол бросил меня в самую гущу событий. Я не знал и не знаю, что такое лень,

скука, безделие. Комсомол воспитал во мне борца. Мне повезло: с самых юных лет я понял, что жизнь — это борьба. Удача, счастье, успех приходят к тому, кто упорно добивается их.

Комсомол дал мне все.

А что я дал комсомолу? Я отвечаю одним словом — Комсомольск.

Галина Владимировна Мырцева, руководитель пионерского штаба «Факел».

— Героическая летопись подвигов комсомола еще не написана до конца. Растет город, строится недалеко от города Байкало-Амурская магистраль. И мы не хотим ничего растерять из этого драгоценного наследия.

В 1932 году началось строительство Комсомольска, и первой построили школу.

Первый пионерский отряд родился прямо на строительной площадке: над шалашом первостроителей заалел красный флаг. Здесь обосновался штаб первого пионерского отряда.

Пионеры тех лет собирали книги для библиотеки, дикий лук — лекарство от цинги.

При пионерском штабе «Факел» нами создана поисковая группа «Мы пишем историю БАМа». Ее создание совпало с торжеством по случаю открытия движения по мосту через реку Амур.

ДОЖДЛИВЫЕ ДНИ

времена. И вот что он мне еще сказал:

— Нынче и техники у нас много, и выбор у молодежи огромный — чем хочешь, тем и можешь в жизни заняться. Но ничего этого не было бы, не будь энтузиазма комсомольцев тридцатых годов, их лихорадочной работы, их страстного желания своими руками построить будущее.

Только наш катер свернул с главного русла Амура в какую-то протоку, навстречу нам — другой катер. И на нем полно мальчишек из пионерского лагеря «Космос».

— В пионерский лагерь «Алые паруса» поехали. На соревнования по футболу, — обернувшись, крикнул наш веселый водитель.

А нашему взору уже открылся «Космос» — корпуса вдоль протоки. А среди корпусов — самолет. Настоящий, со звездами на крыльях. Его подарили пионерам рабочие Комсомольска.

Посмотрел я на этот самолет, и снова мне вспомнился Ополев и его рассказ о том, как рыли они котлован под завод — вручную, лопатами, в две перекидки. Рыли до кровавых мозолей... И вот результат их усилий: Комсомольск-на-Амуре теперь крупный индустриальный центр. «Ребята желают

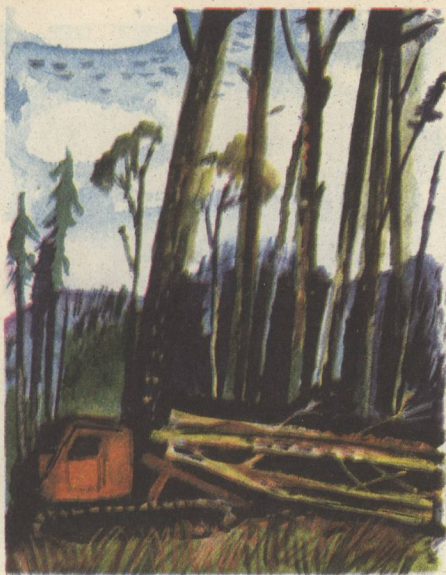
иметь самолет? Пожалуйста! Где поставить?» Комсомольск может позволить себе такие подарки.

Когда в этом году приехала первая смена, такая жара была, что весь лагерь залез в Амур. Прямо-таки изнывали от зноя.

И вдруг дождь. «Ах, как хорошо!» — обрадовались ребята. На второй день снова дождь:

Встреча со строителями БАМа

«Ах, хорошо!» И на третий опять льет.

— И тогда мы чуть не заскучали, — сказала мне Лена Тишина из отряда «Улыбка».

И только она начала говорить, весь отряд сразу умолк — так уважали Лену за ум и серьезность. Все стали смотреть на Лену и кивать: да, мол, конечно, так оно и было.

— Но только мы начали

скучать, — сказала Лена, — Владимир Степанович, начальник лагеря, кино нам р-р-раз! И мы стали смотреть. На другой день кино нам — р-р-раз! — и мы опять смотрим... Он начальник лаборатории на заводе и никогда не имел дела с детьми. Но сумел с нами справиться, — похвалила Лена.

— А на пятый день он велел раскупорить игры, — пискнула девочка, сидящая под стенгазетой.

Лена серьезно посмотрела на девочку, и все стали ждать, что она теперь скажет.

— Расскажи, как ты хотела домой, а потом перестала хотеть, — сказала Лена.

— Когда дождик пошел, мне захотелось домой, и я стала плакать, — принялась рассказывать девочка. — И я послала тайное письмо: «Мама, возьми меня домой!» Мама приехала, а я уже перестала хотеть домой. И мама снова уехала, а я осталась.

Все вышли из спального корпуса, и мы с Антониной Филип-

повной стали бороться с мошкой, а ребята разбежались по своим делам. Через несколько минут стало оживленней в кабинете мягкой игрушки, рыбки забросили удочки в воду, заскрипели качели, на которых особенно размашисто взлетали мальчик и девочка с глазами, похожими на черные запятые. «Хватит?» — кричал мальчик, вздымая качели все выше и выше. «Выше!» — смеясь, подзадоривала его девочка. «Прекратите! — стоя внизу, кричала пионерская вожатая. — Вы же не космонавты».

Понаблюдав за этой летающей парой, мы с Антониной Филипповой пошли к юным художникам, которые оформляли стенд, посвященный строительству БАМа.

Такие стенды мы видели в каждом корпусе. Над всем пионерским лагерем как бы витало это короткое слово: «БАМ». Но в то же время и удивительного тут мало: ведь от Комсомольска-на-Амуре и начинается БАМ. Если смотреть с востока.

В этот день у нас появились друзья среди строителей. Они подарили будущему музею рабочую каску, значки, оставили свои автографы.

Сейчас у нас в музее есть цепь первой бензопилы, рабочие рукавицы, вымпелы, грамоты лучших комсомольских бригад, грамзаписи, репортажи и песни о БАМе. Мы собрали библиотечку книг, альбомов о строительстве БАМа, большую коллекцию значков.

Ежегодно мы проводим операцию «Книги — БАМу». Уже отправили более 5 тысяч книг. Стали традиционными конкурсы сочинений, рисунков о БАМе.

Члены поисковой группы предложили всем пионерским отрядам и дружинам города взять шефство над детскими садами восточной ветки БАМа. Поисковая группа явилась инициатором операции «Радость малышам» и «Своими руками». Красивые куклы, кукольная мебель, одежда для кукол, лохматые медведи, настольные игры, лопатки, совки. Все это пионеры Комсомольска-на-Амуре делали сами и отправляли на БАМ. Часть подарков передали сами. На зимних и весенних каникулах ездили в поселки Хальгасо, Хормули, Березовый. Там встретились со строителями БАМа.

Люба Ненашева, 6-й класс:

— 26 марта мы приехали на станцию Чегдомын. Думали, что увидим палатки, вагон-

чики, но ничего подобного уже не было. Чегдомын — городок с высокими каменными домами. Небольшой, но по-своему красивый.

Встретили нас хорошо.

В Чегдомыне нас познакомили с комсомольцами школы № 6. Они рассказали о районе, показали свой школьный краеведческий музей.

Я еще не комсомолка, но, побывав на БАМе, поняла, как здорово быть комсомольцем, участвовать в стройке века. Хочу быстрее вырасти, пока еще не построили Байкало-Амурскую магистраль!

Тарас Сасим, командир строительного студенческого отряда «Днипро».

— Мы живем рядом с Комсомольском на берегу реки Силенки. Там мы поставили палатки, а сами строим склады для Солнечного горно-обогачительного комбината.

Комсомол нас прислал сюда, в район Байкало-Амурской магистрали, и мы благодарны ему за это. Мы стараемся работать как можно лучше. Ведь чем активнее у тебя жизнь, тем на душе веселей.

Природа Приамурья нам очень нравится — сопки, тайга, могучие реки. После института только сюда, в Приамурье.

Андрей Софронтьев, 7-й класс:

— У меня тройки по русскому и математи-

ПОД СТУК ВАГОННЫХ КОЛЕС

Вагон будто волны качали. Железная дорога еще свежая, не устоялась — так что нужно держаться за вагонные полки или друг за друга. Ребята держались и смотрели в окно. А там черная тайга бежала — завалы гнилых деревьев, топкие мари под снегом, кочки чуть не в рост человека. Дрожь пробирала от такого пейзажа. Поисковая группа при городском совете пионерской организации Комсомольска-на-Амуре возвращалась с Ургала, из поселка, до которого дошли рельсы Байкало-Амурской магистрали.

— Я в этих местах родилась, — оторвавшись от окна, сказала Марина Поэт, — и мама здесь родилась. А дедушка приехал сюда первостроителем в 1932 году.

Все поняли, к чему клонит Марина. А Саша Букреев сказал Любе Ненашевой, которая

ке. Куда это годится? Я решил взять себя в руки, стать покомсомольски требовательным к себе.

Вот что я могу сказать в ответ на вопрос, что мне дал комсомол.

Евгений Васильевич Короленко, художник.

— Я сделал ничтожно мало, мой урожай величинной с огуречное зерно. Но даже для того, чтобы достичь небольшого результата, нужно потратить всю жизнь. И тратить ее нужно вдохновенно, щедро, с удовольствием.

Моя картина «Сон о городе» будет моей данью героическому комсомолу.

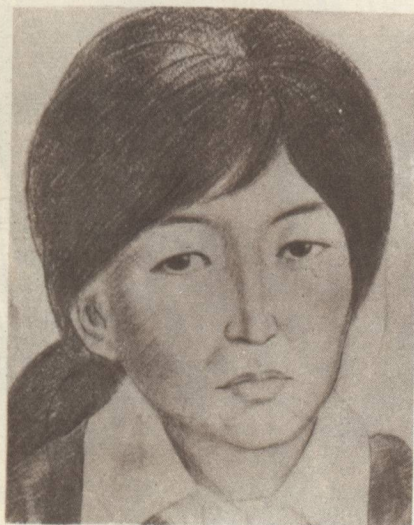
Лена Тишина, 3-й класс.

— У нас все пионерские вожатые в лагере «Космос» комсомольцы, и все они работают на заводах. Они спокойные и уверенные. Мы у них учимся сдержанности, а еще учимся не хныкать и все делать своими руками.

МАТЕРИНСТВО

УЧИТЕЛЬНИЦА ЛЮБОВЬ ДИГОР

писала дневник поисковой группы:

— Прекрати писать! Серьезное дело обсуждаем.

— Я согласна с Мариной, — не поднимая головы от дневника, сказала Люба.

Саша Букреев поморщился:

— Согласна... Еще никто слова не сказал, а ты уже согласна.

Люба не стала вступать в полемику: она боялась утратить свежесть впечатлений от Ургала. Она писала:

«Мы, поисковая группа, пишем историю БАМа и на весенних каникулах побывали в поселке Ургал-2. Он будет крупнейшей станцией на восточном участке магистрали.

Мы оказались в сказочном поселке. Этому ощущению способствовала необычайная архитектура: особняки с мансардами, удивительно красивая школа, столовая, клуб. Это чудо спроектировал молодой архитектор Александр Лысогор. Намного ли он старше нас? А уже сделал такое, что все восклицают, попав на Ургал: «Кто же это придумал?» А им отвечают: «Саша Лысогор!»

Марина отвлеклась от дневника. Речь зашла о том, что нужно всем после школы поехать на БАМ и стать первопроходцами, как Ополев, как дед Марины, как комсомольцы, которые строят Ургал.

— У меня в данный момент такая ситуация, — сказал Андрей Софронтьев, — я сначала хотел врачом быть, потому что у меня сестра работает в поликлинике. А потом решил стать токарем, потому что токарем работает дядя. Он мне обещал по наследству передать инструмент. А теперь две племянницы на мне... Воспитываю. На обдумывание третьего варианта у меня просто нет времени.

Саша Букреев выслушал все это и покачал головой:

— Это не серьезно, Андрей! Тут обдумывать нечего. Ты скажи прямо: ты хочешь на БАМ?

— Хочу.

— Вот и весь разговор! А токарем ты будешь на БАМе или пекарем — это твое дело.

— Я запишу в дневнике, — сказала Марина, — поисковая группа решила после школы ехать на БАМ?

Ребята серьезно переглянулись. Потом сказали: «Пиши!»

СОН О ГОРОДЕ

— В последнее время я рисую сны, — сказал Короленко.

Я удивился. И попросил показать, как выглядят они на холсте.

Короленко безнадежно махнул рукой. Мастерскую загромождали завалы из сотен холстов. Чтобы найти здесь нужное, пришлось бы вызвать бригаду грузчиков. Я восхитился его трудолюбием.

— Мало, мало, мало! — воскликнул он с тоской. — Надо сесть в пещеру и работать, работать!..

Это мне не очень понравилось.

— В какую еще пещеру?!

— В эту, — сказал Короленко и обвел взглядом свою мастерскую, похожую на светлый высокий зал.

Со стен на меня смотрели раскосые пронизательные глаза нанайцев и орочей, темные задубевшие лица которых почти сливались с сумраком за таившейся за их спинами тайги.

Первооткрыватель города Михаил Николаевич Ополев рассказывал мне, что когда они начинали строить Комсомольск-на-Амуре, то часто замечали глядящие на них из чаще эти внимательные глаза.

Сдержанность коренных обитателей Приамурья — нанайцев и орочей — можно было понять. Что раньше несли им пришельцы? Только беды. Чиновники обирали, купцы обворовывали... С чем пришли на Амур сотни горластых раздетых парней — это могло показать только время. И нанайцы и орочи терпеливо выжидали.

Невозмутимо наблюдали они, как радовались комсомольцы, пустив лесозавод, как помрачнели, когда лесозавод встал, потому что лес был на другом берегу замерзшего Амура. Они молчаливо удивлялись упорству этих опухших от цинги парней, когда те ломами, кирками пробивали во льду Амура канал, наполнили его водой и по нему, подталкивая бревна баграми, обледевшие от брызг на свирепом ветру, погнали лес с берега на берег — к лесозаводу...

Евгений Васильевич Короленко первым из художников пришел к этому народу и стал жить среди него. Он поселился в нанайском селении Кондон и проводил здесь дни и годы в постоянном молчаливом труде.

Он писал свои этюды на морозе голыми руками, и нанайцы уважительно покачивали головами: честно работает, без рукавиц.

Так он прожил три года и все же был для них чужим, пока в Кондон не приехал самый старый среди нанайцев — слепой, лысый старик. Старик сел на берегу реки, и Евгений Васильевич, тихо ступая босыми ногами, пошел к нему, чтобы высказать свое уважение. Но не дошел метров двести — старик поднял невидящие глаза:

— Здравствуй, Женья! — И когда художник приблизился, ощупал пальцами его лицо. — Ты добрый, — сказал старик.

И с тех пор все в селении Кондон знали, что лог-художник — добрый, ибо так сказал самый мудрый среди народа.

Затем старик поднял слепые глаза к небу, понюхал воздух и уже как своему приказал:

— Иди посмотри, где паук сидит.

Короленко сбегал в дом и, вернувшись, сказал, что паук сидит в середине паутины.

— Дождь будет, — сказал старик. — Скажи людям!

Короленко пошел предупредить людей о дожде, и с тех пор с ним стали здороваться — признали своим среди своих.

Через шесть лет нанайцы стали считать художника братом, и он получил право открывать любой сундук и брать все, что ему нужно. Конечно, он не воспользовался этим правом ни разу.

Через двенадцать лет люди Кондона сделали ему великий подарок — расшитый серебром халат из шкуры тайменя.

Он научился есть то же, что едят нанайцы: рыбу, сушеное лосиное или медвежье мясо, клюкву с рыбьим жиром; он научился веселиться, если пришла удача — поймалась большая рыба или охотник нашел медведя («убил» — нанайцы не говорят), и молчать, если пришла беда. Он полюбил этот народ за честность и простоту и старался выразить эту любовь в картинах. А когда кончились холсты и бумага, стал рисовать на бересте, вываривая ее, чтобы стала мягкой.

Старый нанаец Миха заплакал, увидев свой портрет, и сказал:

— Я теперь никогда не умру...

— Великий труд приносит великие результаты, — сказал я художнику. — Вы столько сделали, что...

Короленко улыбнулся:

— Нанайцы слово «сделал» не говорят. Сделал — значит, надо умереть... Путь, вечный путь — вот наш удел!

Он задумчиво посмотрел на лежащую на полу огромную, измазанную красками палитру, а я — на его картину, где была изображена выплывающая из утреннего тумана берестяная лодка — оморочка, дошедшая до нас из эпохи неолита. В этой верткой, длинной, как игла, оморочке были двое — мальчик и девочка. Мальчик греб. А девочка стояла, глядя на берег, — в красном галстукке, с портфелем и букетом цветов в руках. Картина называлась «Первое сентября».

Лица этих ребят с запятыми внимательных глаз мне показались удивительно знакомыми. Не эти ли глаза я видел в лагере «Космос» у мальчика и девочки, которые качались на качелях? А пионерская вожа-тая, стоя под качелями, восклицала: «Прекратите! Вы не космонавты», — я вспомнил, мне говорили — была родом из селения Кондон.

— А как же все-таки сны? — упрямо напомнил я.

Художник улыбнулся и сделал руками жест, как будто развел передо мною стены.

— На переднем плане трава. Лежат, отдыхая, парни. Палатки, Амур, облака. А в облаках город плывет. Город нашей мечты — Комсомольск. Сон называется «Мечта о городе».

Он помолчал.

— А за Амуром первая первомайская демонстрация нанайцев, понявших, что советская власть — это их власть. Поскольку красного флага не нашлось, молодые нанайцы вышли из селения Кондон, привязав к палке шкуру тигра. Они идут строить поднимающийся из болот Комсомольск.

Рисунки

Е. Короленко

НАНАЙСКИЙ ОХОТНИК

НАДЯ САМАР

КАМУШЕК НА СЧАСТЬЕ

Ф. КАМАЛОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. Харшака

Танька пригласила нас на свой день рождения. И мы стали спешно придумывать подарок. В палисаднике распускались розы. Они еще были похожи на сладкие булочки.

— Возьми нож, Тимка, набери букет, — велел я. А сам сел за стол и написал стихотворение.

Сегодня воскресенье,
Танькино рожденье.
Танька молодец,
В теплый день родилась.
И мы отправились, неся лучшие подарки
для женщин — цветы и стихи.
— Поздравляю, Танюша, и желаю тебе

здоровья, счастья, верных друзей и хорошо учиться! — сказала ее мать, когда мы сели за стол. Потом она ушла.

— И я желаю много верных друзей! — сказал дошкольник Шурик. — У меня тоже скоро день рождения! Через сорок дней, наверное!

— Что мама пожелала, у меня все это есть, — сказала Танька, — даже камушек на счастье...

— Что, какой камушек?

Танька полезла на табуретку и достала белый узелок. Она долго разворачивала тряпицу, и мы увидели прозрачный камушек с тонкой голубой жилкой посередине.

— Камушек на счастье...

Танька говорила шепотом и держала его, словно желтого цыпленка.

И услышали мы такую историю.

Таня с матерью переехали к нам в соседи этой зимой. А в прошлом году они жили в Полянке. Там было всего шесть дворов.

Летом мимо Полянки ходил дачный поезд. Рано утром сиплый гудок паровоза будил Таню. Она бежала к разъезду, где дачный ждал, когда через разъезд протащится встречный состав с лесом. По пути она собирала колокольчики и кидала их в окна спящих вагонов. Цветы уезжали куда-то в маленьких скрипящих вагончиках, а куда, она и сама не знала.

Однажды машинист паровоза оказался перед Таней.

— Вот, значит, кто в вагонах мусорит! Я, еловая лапа, все удивлялся!

Таня испугалась машиниста, голос которого был такой же сильный, как у паровоза, но все равно сказала:

— Цветы разве мусор?

— А чего ты нас поджидаешь каждый день?

— Это вы меня поджидаете.

— Зовут, наверное, Аленкой!

— Таня.

— А я — Дмитрий, еловая лапа! — Машинист засмеялся. — Погоди, Танюша!

Он полез на паровоз, и, когда спустился, в руках у него был сверток.

— Здесь лежит волшебный камушек! Если тебе станет когда-нибудь горько, обидишься на всех людей сразу или когда придет большая беда, посмотри на камушек. Уберет он все твои обиды, отодвинет горе. Только по малым пустякам не беспокой его, не тревожь часто, а то потеряет камушек чудесную силу.

Загудел паровоз, протащил мимо платформы с лесом.

Дома она с боязнью развернула тряпку. Камушек светло смотрел на нее и вдруг весело подмигнул голубой жилкой. Сердце ее быстро забилося.

В эту осень она пошла в первый класс.

Школа была в другой деревне.

За школой в большом пятистенном доме жила ее бабушка. По осени бабушка Дина жаловалась на больные ноги, ноющую поясницу, мигрень в голове. Она прикладывала пи-

явки к ногам, обвязывала поясницу толстой пуховой шалью, а холодильник ее во всю мощь вырабатывал лед для холодных компрессов.

— Бабушка, ты что все время вздыхаешь?

— Состаришься, узнаешь!

— Я сейчас хочу знать!

Бабушка не говорила, о чем вздыхает. Жила она одна, а дом был велик, и было по ночам в трубе, и потому Таня не любила оставаться там ночевать, а бегала домой.

Ветры все больше отдавали сыростью. Вода в озерах потемнела, стали видны глубокие донья. Скоро начались сплошные дожди!

Потом выпал снег. Завьюжило, запорошило. Легли в поле мягкие сугробы. Весело затрещали дрова в печи.

Таня часто вспоминала Дмитрия-паровозника. Помощи у камушка она просила дважды: когда нашла дятла с поломанным крылом — и камушек помог его вылечить, и когда ей трудно было переходить через канаву, и на другой же день после просьбы мороз выложил крепкий ледяной мостик.

Однажды она попросила новый пенал. Утром с нетерпением заглянула в портфель, пенала не было. Она испугалась и стала ругать себя:

— Дура я, дура, голова мигреневая! Из-за пустяка погубила волшебную силу!

И долго не тревожила камушек.

В морозный месяц январь она все же достала камушек и сказала:

— Я не за себя прошу, у меня все есть! Я за бабушку Дину! Она старая, больная. Сделай так, камушек, чтобы моя бабушка стала счастливой!

На другой день она побывала у бабушки. Ноги у той болели еще сильнее.

Таня заплакала: драгоценный подарок сама превратила в обыкновенный камень.

А через несколько дней бабушка Дина получила радостное письмо. Внук Николай, двоюродный брат Тани, писал, что кончил учиться и скоро приедет к бабушке, будет жить здесь и работать.

Бабушка смеялась, ходила легко, замешивала тесто на праздничные пироги и загружала холодильник всякими продуктами и бутылками.

— Спасибо, камушек!

До сегодняшнего дня Таня не разворачивала его: не было у нее большого горя, а если были мелкие обиды, то проходили сами.

Мы молчали.

— Можно еще посмотреть? — робко сказал Шурик.

Все дружно напустились на него.

— Еще пожелаешь ерунду, вроде конфет или мороженого. Или ты несчастный?

— Да нет, я просто так, — отказался Шурик.

— А что! — сказали мы. — У нас есть луг с цветами, синее небо, Кама, руки-ноги, что нам еще нужно! Может, когда будем старыми, попросим его о чем-нибудь. А сейчас пусть камушек лежит спокойно.

ЗАВОДСКИЕ ИСТОРИИ

Владимир АРРО
Рисунки О. Зуева

Новый год приходит на заводы и фабрики еще в старом году, чаще всего в декабре. Но бывает, что Деда-Мороза тревожат и в ноябре, и в октябре, и даже странно подумывать, в июне.

— Подождите, — ворчит он, натягивая шубу и расправляя бороду. — Куда вы торопитесь, что за путаница!..

Но это не путаница — это просто мастер своего дела выточил последнюю, наменную планку детали, выключил станок, и теперь все подходит к нему и говорят: «С Новым годом!»

И все же январь есть январь. Это месяц надежд, вечных начинаний. Год ведь — это пятая часть пятилетки. Поэтому в январе все на заводе особенно озабочены. Всюду в цехах и в отделах обдумывают, как выполнить годовое задание, советуются, спорят, помогают. Но все это будет потом, после праздника.

А год начинается на заводе, как и всюду, с новогоднего бала. Во Дворце культуры гремит оркестр, сыплется конфетти, благоухает и све-

тится нарядная елка. В этот вечер цеха и отделы перемешиваются друг с другом, все забывают, кто кому подчинен, а иногда даже начальник цеха становится «Серым волком», а фрезеровщица — «Красной шапочкой».

ЕЛОЧКА- ВЫРУЧАЛОЧКА

На заводе «Уфимкабель» в Башкирии да и на многих других заводах делают искусственные елки. Их можно когда хочешь собрать и разобрать. Рабочим приятно, что не надо отходы главного производства выбрасывать — елочки-то делают из отходов. Лесоводам радостно, что меньше лесов вырубают. А нам приятно, что...

«Нет, все же настоящую елку, из леса, душистую, смолистую ни на что не променяю», — вот как говорим мы.

А смотрите, что в Норильске-то недавно случилось. Елки там не растут — вечная мерзлота мешает, и в ново-

годние праздники детей выручала авиация: летчики привозили для всех большую пушистую елку из Енисейской тайги.

И вот в последние дни ударила по Норильску пурга — жгучая, затяжная. Младшие дети даже в школу не ходили, но на главную городскую площадь нет-нет да поглядывали. Новый год подбирался уже к Норильску, а площадь все лежала в дымных снегах, и там, где полагалось быть елке, ничего-ничегошеньки не было, кроме сугробов и одиноких фонарей.

И дети спрашивали родителей:

— Значит, елки не будет?

А что могли ответить родители — самолеты-то ведь не летали.

Но в последний день, — и днем-то не назовешь, потому что сплошная полярная ночь — так вот посреди этой ночи выглянули ребята на площадь, а на площади елка! Зеленая, пушистая, огнями залита. Эх и обрадовались они, храбрым летчикам «ура» закричали.

Но на этот раз не летчики их выручили, а рабочие, те, что еще раньше прислали в Норильск синтетические елочки. На площади в огромной елке собралось маленьких ровно семьсот!

ДЕДУШКА И ИГРУШКИ

Рассказ Саши Петриченко из Астрахани

Мой дедушка работает на фабрике елочных игрушек. Он инвалид Отечественной войны. Однажды я побывал у него на фабрике. В одном цеху я увидел, как из станка появляются готовые стеклянные трубки. Потом зашел в другой цех, а там увидел новое зрелище: за столом сидят женщины, держат в руках стеклянные трубки и греют их над огненной струей. Как только трубка нагреется, в нее дуют, и она раздувается в форме игрушки. В третьем цеху стоят распылители. Из них, как пыль, летит краска и красит игрушки. Затем их укладывают в ящики и развозят по разным городам. Когда я вижу в квартирах нарядные игрушки на елках, я сразу вспоминаю своего дедушку.

ОН ПОЛЮБИЛ ОГОНЬ И МЕТАЛЛ

Рассказ Жени Бурдова из Челябинска

Мой папа работает восемнадцать лет кузнецом. Он был победителем соревнования. И если б ему предложили другую работу, он бы отказался. Он полюбил огонь и металл.

Сам я еще не выбрал профессию. Но мне нравятся уроки труда. Я люблю что-нибудь мастерить. На труде я всегда работаю с большим интересом. А у бабушки я захожу в сарай и что-нибудь делаю топором и пилой. И что задумал, то обязательно сделаю.

ОТХОДЫ И ДОХОДЫ

Отходы — это то, что выбрасывают.

Доходы — это то, что кладут в карман государства.

Сейчас на многих заводах страны думают: как бы отходы превратить в доходы. То есть ничего не выбрасывать, а все, даже самую малость, пускать в дело. Из обрезков металла делают товары очень нужные в домашнем хозяйстве. Из опилок и стружек прессуют строительные материалы. А некоторые заводы так наловчились, что превращают в ценные продукты заводскую пыль и заводской дым.

Но не все еще хотят заниматься этим делом: говорят, возни много — легче выбросить! А на самом деле они просто не привыкли беречь народное добро.

Замечательно поступил с такими отсталыми товарищами Тбилисский городской комитет партии. Он их пригласил на Выставку достижений народного хозяйства республики. Товарищи пошли с удовольствием, думая, что сейчас увидят все свои достижения. Но они увидели нечто другое. На стендах выставки представлены отходы тбилисских заводов, а рядом то, что можно из них сделать. И тут же цифры проставлены — сотни тысяч рублей. Это и есть доходы, которые можно получить из отходов.

ОДОЛЖИТЕ СТРУКОВА

Мастер Василий Иванович Струков родился в крестьянской семье. Однажды, когда никого не было дома, Василий быстро разобрал домашние часы. Он заглянул внутрь, посмотрел, как там все устроено, и только тогда успокоился. В отличие от других детей, которые любят только разбирать дорогие и сложные вещи, он эти часы и собрал. С тех

пор он много чего разбирал и собирал, а также конструировал. Он сделал для родного села молотилку и мельницу. В конце концов он понял, что его место на заводе.

Сейчас мастер Струков работает в Воронеже, на заводе «Электроприбор». Директор считает, что без рабочего Струкова было бы затруднительно выполнять план. Потому что Василий Иванович делает для завода то, что никто не может сделать. Он конструирует и собирает маленькие, совсем игрушечные станочки — для операций высокого класса точности. Такой станочек может, например, положить на колечко 10 тысяч витков проволоки толщиной в человеческий волос. А как еще можно выполнить эту работу, никто не знает.

Вот и другие электротехнические заводы звонят на «Электроприбор» и просят: «Одолжите Струкова!»

Василий Иванович ездит, помогает.

МОИ МОДЕЛИ

Рассказ Олега Тюрёва из Ленинграда

Я очень люблю конструировать разные модели. Когда мне купили конструктор, он был новенький и чистый. Сделав несколько моделей и рассмотрев их получше, я понял, что совершенно не интересно делать модели по книге, вложенной в конструктор. Лучше придумать их самому. Когда сделаешь что-нибудь своими руками, на душе становится радостно, ведь это ты сам придумал и сделал без чьей-нибудь помощи и подсказки. Такое чувство было у меня после того, как я сконструировал свою первую машину. Когда я пустил ее по полу, у нее отвинтились винтики и отлетели некоторые детали, но я не огорчился. Подумав, я переделал ее на более трудную. Потом я разобрал модель и сделал совершенно другие машины. Иногда я ча-

сами размышлял над тем, куда поставить деталь. С каждым разом у меня получалось все лучше.

„ВПЕРЕД, МОИ ЗАЙЦЫ“

У тех, кто обрабатывает металл, разные инструменты в ходу: пилы, напильники, сверла, резцы. Самый главный инструмент фрезеровщика — фреза. На конце у нее твердые зубчики, при вращении фрезы они режут металл. Но живут эти зубчики до обидного мало — ломаются, только успе-

вай заменять. И не позволяют они, эти зубчики, выжимать все скорости из станка. Одним словом, дорогая, капризная эта штука — фреза.

Многие ученые и рабочие ломали головы, как эту фрезу усовершенствовать, удешевить.

Но вот ленинградский рабочий Михаил Зайцев изобрел новую фрезу. Специалисты посмотрели и ахнули: маленькая, простая, надежная.

Михаил Зайцев ни от кого ничего не скрывает. Больше того, он ездит по заводам страны со своей новой фрезой и объясняет: это так, а здесь так — все дело в креплении.

Вот однажды приехал он в город Торез на крупный завод, пошел по цеху и видит молодого фрезеровщика. Тот обычной фрезой на малых оборотах обрабатывает деталь. Остановился Михаил Зайцев, достал из портфеля свою фрезу и говорит: «На, попробуй». Тот не соглашается, боится. Но все-таки Михаил Зайцев его убедил. Убедил и ушел. Возвращается через три часа, а в цехе шум возле молодого рабочего, столпотворение. Оказывается, он до обеда невиданное совершил: выполнил три дневные нормы.

Тут же в цехе Михаил Зайцев и рассказал о новой фрезе.

Все слушали с восхищением. Не было только того паренька. В конце беседы он появился и говорит: «Товарищ Зайцев, я вам тут подарок небольшой приготовил, примите». И подает Зайцеву клеймо с изображением бегущего зайца.

Михаилу очень это клеймо понравилось. С тех пор он каждое свое изобретение, каждую свою новинку помечает этим клеймом. Помечает и приговаривает: «Вперед, мои зайцы!» Тех зайчиков уже знают в Югославии, во Франции и в других странах.

А фрезы Зайцева нарасхват, заявки идут каждый день. Секторский инструментальный завод имени Воскова наладил их массовое изготовление.

МАЛЕНЬКАЯ ДЕТАЛЬ

Рассказ Сережи Жмаева из Миасса

Мой папа работает на Уральском автомобильном заводе в инструментальном цехе. Этот цех красивый и просторный, там много разных станков. Там очень шумно, когда работают все станки. Папа работает в отделении сложного инструмента, он мастер. В его отделении делают метчики. Метчик хоть и маленький, но без него не нанесешь резьбу в отверстие. Метчик делать очень трудно, но когда сделаешь, не налюбуйешься — он так и блестит на солнце, как чисто отполированное кольцо из золота.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ СЕМЬЯ

- Кто у тебя папа?
- Токарь-универсал.
- Кто у тебя мама?
- Токарь-универсал.
- А сам-то ты кто?
- Токарь-универсал.

Так отвечал мне Валерий Лукин, когда я встретил его на ленинградском «Арсенале». Тут же в одном цехе на однотипных станках работало все универсальное семейство.

НА СУББОТНИКЕ

Рассказ Юры Герасимова из Астрахани

Мои папа и мама вместе работают на станкостроительном заводе. Я был на этом заводе несколько раз. Там очень много станков: сверлильные, токарные и всякие другие.

Был я вместе с мамой в «инструменталке» и выдавал инструмент рабочим.

Один раз родители взяли меня на субботник. Я помогал одному рабочему чистить станок и измазался так, что еле отмыли меня в душе.

В обеденный перерыв мы с папой и с мамой пошли в столовую, уж очень хороший аппетит был в это время. А после обеда играл с папой в шахматы, которые стоят на

территории завода. Эти шахматы очень большие, почти в мой рост, я их еле-еле передвигал обеими руками. Завод мне очень понравился.

СИНИЦА И ДИРЕКТОР

Сидел директор Котласского завода силикатного кирпича в своем кабинете, подписывал приказы, говорил по телефону, бумаги просматривал, а за окном зима была. Вдруг залетает в форточку синица и садится на шкаф. Директор улыбнулся — ну, бывает. Стал снова работать, а сам на синицу вполглаза поглядывает. И она, конечно, его изучает. И, видно, они друг другу понравились. Потому что на следующую день синица снова прилетела. И уже поближе села — на радиоприемник.

На третий день — только директор открыл форточку в своем кабинете, как прилетает синица.

И вот уже два месяца птичка ежедневно навещает директора. Больше всего ей нравится, когда он пишет, тогда она садится на стол и наблюдает за его работой.

А меньше всего ей нравится, когда хозяин кричит на кого-нибудь по телефону, тогда она вылетает на улицу. И можете себе представить, директор стал избегать в разговорах повышенных интонаций. А когда кто-нибудь из посетителей повышает голос, он оглядывается на синицу и шепчет: тише!

НАШИ ОТЦЫ

Роман СОЛНЦЕВ

— А у меня отец — шофер, я не могу соврать: он может разобрать мотор, потом опять собрать!

— И заводится?!

— А как же!

— А у меня отец с уздечкой гуляет вечером за речкой.

Он лошадей пасет,

он песенки поет.

— И много знает?

— Еще бы!

— А у меня отец — косец, он лихо косит — молодец, он спит потом на сене — хоть грянь землетрясение!

— И не проснется?!

— Ну!

— А у меня хоть нет отца, да мать не хуже молодца, и боронит, и пашет, а как поет и пляшет!..

— Нарвем ей цветов!

— Можно!..

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 22-й

«Дорогая редакция!
Мы, пионеры 7 «г» класса средней школы
№ 33 города Тольятти, носим имя героя-под-
водника А. И. Маринеско. Многие мы уже
знаем о подвиге этого замечательного чело-

века. Думаем, что и другим ребятам было
бы интересно узнать о подвигах подводной
лодки «С-13» и об Александре Ивановиче...

*С пионерским приветом
отряд им. А. И. Маринеско».*

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПОБЕДА

Командир подводной лодки «С-13»
отошел от перископа и потер ла-
донью глаза.

— Снег. Ничего не видно, — ска-
зал он. — Будем всплывать!

— Акустики все время слушают
взрывы, — сказал штурман. —
А знаешь как? Через дно. На всей
Балтике сейчас бьют фашиста. Все
море гудит... Какое у нас сегодня
число?

— 30 января, — сказал коман-
дир. — Двадцать один ноль-ноль...
Третью неделю в походе...

Под водой было спокойно, а на-
верху зимнее штормовое море ки-
пело и грохотало. Ветер швырял в
рубку потоки пены. Вода замерзала
на металле, не успевая стекать вниз.

В далеком море замигали огоньки:
корабли переговаривались семафо-
ром. Это могли быть только фашист-
ские корабли...

Командир справился в центральный
пост: «Что слышат акустики?» Из
центрального ответили: «Слышим
шумы винтов большого корабля. Про-
ходят справа».

И вдруг командир увидел в ночной
бинокль: справа по борту лодки что-
то двигалось... Смутная тень... Гро-
мальная тень! Это был борт очень
большого корабля. И корабль быстро
уходил к северо-западу.

Теперь уже все, кто был в рубке,
заметили фашистский транспорт.

Из центрального доложили: со всех
сторон — шумы винтов многих ко-
раблей...

...«С-13» была посреди фашист-
ского каравана. Справа, слева, поза-
ди — сторожевики и эсминцы. Можно
было догадаться, что уходивший
транспорт вез очень важный груз, —
так силен был конвой...

Командир решил: пользуясь тем-
нотой и штормом, догнать транспорт.
Догнать можно было только в над-
водном положении: под водой под-
лодка идет медленно, а транспорт —
быстроходный... Риск был велик. Фа-
шисты могли обнаружить лодку...

Дизели работали с перегрузкой,
но «С-13» догоняла транспорт.

Ближе. Еще ближе... Чтобы надеж-
нее ударить торпедами в корму.

«Аппараты товсь!» Все замерло
на подлодке. Застыли люди у прибо-
ров и механизмов. В трубах аппаратов
затаились торпеды. Тугой силой
сжался в клапанах баллонов воздух...

Люди ждали и думали: «Ну что
там? Что наверху? Что же медлит
командир?»

Наконец, все услышали: «Аппараты
пли! Срочное погружение!»

Качнулась лодка: это скользкими
рыбинами вылетели торпеды...

Лодка погружилась. Десять секунд,
двадцать... Взрывы трех торпед сли-
лись в один.

В тот день командир подлодки
Александр Иванович Маринеско еще
не знал, с кем расправилась его
«С-13». На дно был отправлен лайнер
«Вильгельм Густлов» с тысячами фа-
шистских подводников, гестаповцев
и высших нацистских чинов, которые
бежали от наступающей Советской
Армии.

Это была самая большая победа
советских подводных сил.

Узнав о потоплении лайнера, Гитлер
приказал своему флоту охотиться за
«С-13» и потопить ее во что бы то
ни стало... Только у фашистов ничего
не вышло. Подводная лодка «С-13»
со славой окончила Великую Отече-
ственную войну. А Александр Ивано-
вич Маринеско еще долго служил в
советском флоте.

О. ОРЛОВ

КРЕПКАЯ ТРУБОЧКА

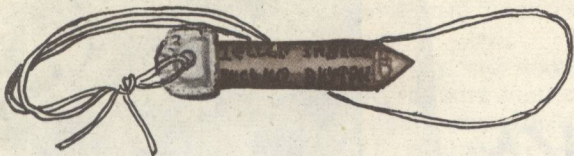
Бывает, что среди улова рыбаки находят рыбу с такой вот меткой-трубочкой...

Метку на рыбах закрепляют ученые. Это для того, чтобы узнать: по каким морским дорогам рыбы плавают.

Конечно, одна метка не многое расскажет, а вот тысячи — позволят составить точные карты рыбных дорог. А это очень важно и для ученых, и для рыбаков.

На трубочке — надпись на английском и русском языках: «letter inside» — «письмо внутри». Раскрой трубочку, — там адрес и инструкция: что написать и куда переслать...

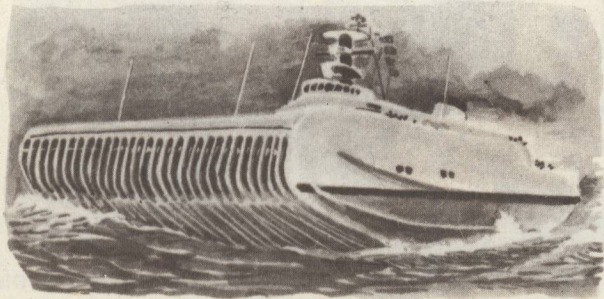
Трубочка очень крепкая, в морской воде не размокнет, хоть десять лет будет плавать.

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Мы уже привыкли к тому, что самые быстроходные суда по виду длинные и узкие. Ничего лишнего нигде не торчит, ходу не мешает...

Однако посмотрите на эту фотографию. Это судно похоже на гигантское пресс-папье. Но скорость его внушает почтение — двести километров в час! Мчаться оно будет над самой водой, потому что это судно на воздушной подушке.

Сконструировали его американские инженеры. Плавать (а пожалуй, точнее сказать, летать) судно будет в Атлантическом океане.

Ю. Студенцов

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Мой папа ходит в море на БМРТ «Золотица». БМРТ — значит большой морозильный рыбопромысловый траулер. Мой папа — боцман. Я тоже хочу быть моряком. В наш клуб юных моряков «Альбатрос» я пришел три года назад и выбрал специальность судоводителя. Потом я поступлю в мореходное училище...

Другие наши ребята учатся на судовых механиков, мотористов, рыбооператоров. На флоте ведь много разных специальностей, и все очень интересные...

Зимой в клубе — учеба, экзамены, зачеты. А в кают-компании — встречи с бывалыми капитанами...

А летом наши шлюпки поднимут паруса над Гандвиком — так в старину называли Белое море...

Курсант клуба
Альберт Ровда,
Мурманск

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

ЛУННАЯ НОЧЬ НА МОРЕ
Сережа Коновалов, г. Тольятти

Ошибка Твена

Начинающий поэт принес Марку Твену свои стихи...

— Плохие стихи, — покачал головой Твен.

Поэт вздохнул.

— Ученые говорят, — сказал он, —

что фосфор хорошо действует на мышление. В рыбе много фосфора. Поэтому я сейчас ем много рыбы, чтобы достигнуть вершин творчества... Быть может, мне нужно есть ее еще больше, мистер Твен?

— Конечно, — сказал Твен, — И, судя по стихам, не менее двух китов в день...

Твен был, конечно, блестящим юмористом, но вопрос: «В чем ошибка Твен?»

РУНДУЧОК

Морская скороговорка: «Крпн крабу карту крал».

Ответ на загадочный рисунок — «Аквариум капитана Быстроходова» (см. № 12, 1977 г.). В аквариуме могли быть: рыба-молот, рыба-игла, пила-рыба...

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ НАШЕЛ ВЫХОД

Мышонок Терентий был сиротой. Бабушку его съел кот. Маму унесла сова. Папа ушел за сыром и не вернулся.

Осталась у мышонка Терентия только прабабушка Агриппина.

Прабабушка Агриппина знала все проходы под крепостной стеной, узкие щели, каменные погреба, бездонные колодцы и множество других тайн. У всех щелей и трещин, которые вели наверх, она поставила мелом крестики. Это означало, что мышонку Терентию здесь проход запрещен.

Но кому не хочется знать — что же там, наверху?!

Мышонок Терентий приставал с вопросами ко всем встречным — даже к паукам и сороконожкам. Сороконожки, существа робкие, убежали. Мыши отвечали уклончиво. А пауки! Вместо разумного ответа они ворчали, пытели и даже фыркали.

Один мохнатый толстенный паук просто-напросто повернулся к мышонку спиной, подошел к стене и невежливо исчез.

Мышонок очень удивился. Он знал, что толстые пауки могут лазать по тоненькой липкой паутине, но чтобы они так невежливо исчезали в стене!

Мышонок сунул нос в то место, где исчез паук. Нос тоже исчез. Мышонок сунул туда голову.

— Ага, — сказал он. — Это, оказывается, щель! Про эту щель прабабушка Агриппина, наверное, не знает. Иначе бы она и ее пометила крестиком.

Мышонок Терентий лез вперед бесстрашно и без остановок. Нос его вытягивался и дрожал, потому что там впереди пахло чем-то неподземным.

Впереди возникло сияние. В этом сиянии шагал мохнатый толстый паук. Он казался громадным.

Сияние все разрасталось, а паук уменьшался.

Наконец сияние превратилось в свет, льющийся со всех сторон. А громадный паук — в обыкновенное серое насекомое.

Потом он и вовсе исчез... потому что мышонок Терентий вдруг и сразу все вместе увидел: голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок, зеленую траву и почти малиновые стены крепости.

Известно — кто сможет увидеть все сразу, не по отдельности, тот непременно станет художником.

— Какой восторг! — сказал мышонок Терентий. — Это не описать словами.

Мудрая прабабушка Агриппина сидела неподалеку в тени лопухов, глядела на своего правнука, вытирала глаза платочком и говорила сама себе:

— Я знала. Я всегда знала, что он найдет выход.

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ ПОЗНАКОМИЛСЯ С ПОПУГАЕВЫМ ВОВКОЙ

— Ты чего глаза зажмурил? — спросил Попугаев Вовка.

Мышонок Терентий повернул к нему голову, но в глазах его стояли голубое небо, синяя-синяя река, желтый песок, зеленая трава и почти малиновая стена крепости.

— Восторг! — сказал мышонок Терентий.

— Где? — Вовка глянул туда-сюда. Кулаки сжал — вдруг над ним подшутили. Потом сказал: — Ага! Надел красные трусики и выставишься. Да у меня пять красных трусов в комод.

— Ах! — сказал мышонок Терентий. — Разве об этом речь. Если бы я умел рисовать! Я бы нарисовал голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок и почти малиновую стену крепости с башнями.

— Раз плюнуть. Пять минут на все дело, — сказал Попугаев Вовка и надутый живот гордо выставил.

Мышонок Терентий оробел. Подтянул трусики к подбородку.

— И все на уровне восторга?

— Даже выше. — Попугаев Вовка надул живот до отказа. — Я уже сто картин нарисовал. Приходи ко мне любоваться.

Мышонок Терентий обрадовался. Поблагодарил Вовку три раза. Спросил Вовкин адрес и все кричал ему вслед:

— Я приду. Я приду непременно...

Потом принялся смотреть в небо над башнями. Древние башни как бы летели вверх, в беспредельность. Синяя-синяя река косо падала вниз. Желтый песок отвесно уходил в глубину.

— Это же только на первый взгляд все стоит на своих местах. А на самом деле все-все летит, — прошептал мышонок Терентий.

— Бедный мышонок, — вздохнула в тени лопухов прабабушка Агриппина. — Это летит земля... Представляю, как ему будет трудно.

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ ПОСЕЛИЛСЯ НА ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНОЙ ВЫСОТЕ

На следующий день мышонок Терентий причесался, умылся и опять причесался: сто картин на уровне восторга — это обязывает. Попросил прабабушку Агриппину погладить трусики. И пошел к Попугаеву Вовке.

Когда Попугаев Вовка открыл дверь, мышонок Терентий вытер ноги о коврик и поздоровался.

— Как дела? — спросил Вовка. — Давай я тебя в бильярд обыграю, в настольный?

— Если можно... я бы посмотрел картины... — сказал мышонок застенчивым шепотом.

Попугаев Вовка почесал в затылке. Полез под диван. Вытащил оттуда альбом.

— Любуйся!

Мышонок открыл обложку, готовый выражать восторг вздохами разной тональности. Но...

На одной картине был нарисован троллейбус, горбатый и длинный, как гусеница. На другой — люди с такими толстыми ногами, словно они сидят на мешках.

На третьей — старинная новгородская церковь, у которой вместо куполов кривые ракеты.

На четвертой была река, вся в пятнах от пирожного с кремом. Посередине реки стояли зеленые спортсмены.

Многие картины склеились — Попугаеву Вовке было некогда ждать, когда они высохнут.

Мышонок Терентий посмотрел на Вовку испуганным взглядом и прошептал:

— Я пойду...

— В гостях разговаривать нужно и улыбаться...

Попугаев Вовка схватил валенок.

Естественнее было схватить что-нибудь летнее. Но именно этим утром Вовкина бабушка

принесла валенки из ремонта и еще не успела убраться.

Мышонок мчался по улице что есть мочи. Попугаев Вовка за ним.

— Не умеешь в гости ходить—не ходил бы! Невежа!— кричал он и размахивал валенком.

А крепостная стена совсем близко...

Мышонок Терентий шмыгнул в дверь самой высокой башни. Помчался по каменной лестнице, которая узко шла вдоль стены. Потом по дощатой, висящей над пустотой.

На высокой крыше самой высокой башни была избушка-сторожка со своей крышей, кстати, тоже крутой.

Мышонок вскарабкался на нее. Выше лезть было некуда. Выше было только железное копьё, на котором поскрипывал позеленевший от времени медный флаг.

Прижался мышонок к железному копыю, закрыл глаза на секунду. А когда открыл, то увидел так ярко: голубое небо, синюю-синюю реку, желтый песок, зеленую траву, почти малиновые стены крепости. Весь город Новгород увидел. Ближние и дальние окрестности. И все это кружилось плавно, как медленные карусели.

Мышонок Терентий вздохнул всей грудью.

— Какая головокружительная высота!

Внизу, едва различимый, стоял Попугаев Вовка. Грозил валенком и что-то кричал.

С головокружительной высоты он показался мышонку Терентию мелким, но все же достойным прощения и жалости.

Мышонок Терентий поселился в избушке-сторожке, в которой было четыре окна на все четыре стороны света, чтобы отсюда, с головокружительной высоты, рисовать окрестные виды. И чтобы дома, луга и березы плавно кружились и летели.

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ СИДЕЛ НЕПОДВИЖНО

Прабабушка Агриппина купила мышонку все, что нужно для художника. Даже клетчатый шарф. Она полагала, что там, на головокружительной высоте, хрипят и воют промозглые сквозняки.

Однажды, когда она по обыкновению сидела в тени лопухов у крепостной стены, смотрела вверх и грустно вздыхала, к ней подошел милиционер товарищ Марусин.

— Прошу прощения, у вас неприятности? — Милиционер товарищ Марусин, естественно, не мог пройти мимо прабабушки, когда она так грустно вздыхает.

— Вздохнешь не раз, если приходится смотреть на правнука, задрав голову, — объяснила ему прабабушка Агриппина. — Это плохо отражается на моем здоровье. Но если он хоть

иногда будет спускаться и я смогу давать ему советы, тогда, я думаю, для меня все может кончиться благополучно.

Милиционер товарищ Марусин посмотрел в бинокль на самый верх самой высокой башни — мышонок Терентий сидел там и недвижно смотрел на чистый лист бумаги.

— В данный момент ему советы не нужны.

— Вы думаете, он найдет выход? Он уже несколько дней так сидит.

— Будем терпеливы, — сказал милиционер товарищ Марусин. Отдал прабабушке Агриппине честь и пошел на берег реки, чтобы послушать, как плещет Волхов, как толкаются и скрипят лодки.

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ РИСОВАЛ ВСЁ ЛЕТАЮЩЕЕ

Как только прабабушка Агриппина купила мышонку Терентию все, что нужно для художника, мышонок обмотал шею клетчатым шарфом и принялся рисовать все летающее.

Но летающее не получалось.

Нарисовал березу летающую. Получилась береза спиленная.

Нарисовал летающий дом. Дом получился недостроенный снизу. Люди никак не могли в него войти и очень сердились.

Нарисовал Попугаева Вовку летающего. Вовка получился падающим. Он падал и грозил мышонка прибить.

Увидел мышонок вдали озеро Ильмень.

Нарисовал летающее озеро — получился дождь.

Мышонок разорвал все четыре картинки. Отнес их в парк, в урну для мусора. Снял клетчатый шарф. Вымыл пол, потому что закапал его, пока рисовал все летающее. Прикрепил кнопками чистый лист бумаги и уселся перед ним на табуретку.

Ему было страшно. Проведешь торопливой кистью — и чистый лист, такой белый, превратится в испорченный.

Казалось мышонку, что болит у него сердце, а душа задыхается. Хотя на головокружительной высоте, где он поселился, чистого воздуха было много.

Несколько дней просидел мышонок перед чистым листом.

Однажды на подоконник опустилась ворона, уставшая от полета. Она была уже старая. Можно сказать, седая. Отдышалась она и сказала:

— Нарисовал бы чистое небо. Просто — чистое небо.

— Интересная мысль, — согласился мышонок.

А ворона уже улетела.

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ СТАЛ ГОЛУБЫМ

Небо нужно рисовать очень чистыми красками и очень чистой водой.

Мышонок Терентий тщательно вымыл краски. Вымыл кисти. Набрал чистой-чистой прозрачной воды. И принялся рисовать.

А когда закончил и отступил, чтобы полюбоваться, ему показалось, что смотрит он прямо в небо.

— Или у меня с глазами не все в порядке, — усомнился мышонок, — или я кисточкой дырку в бумаге протер?

В этот момент картина его шевельнулась, сорвалась с кнопок и полетела к окну.

— Куда? — закричал мышонок и ухватил картину за край.

Но она так сильно стремилась ввысь, туда, где небо такое же синее и чистое, как она сама, что вылетела в окно вместе с мышонком.

Подлетевшие воробьи закричали:

— Мышонок оторвал от неба лоскут!

— Смотрите!

— Смотрите!

Земля уже далеко внизу. Синяя-синяя река, желтый песок, зеленая трава, почти малиновые стены крепости и весь замечательный город Новгород.

Снизу к мышонку поднималось белое облако.

— Почему ты ее не отпустишь? — спросило оно.

— Да как же я ее отпущу? За что же мне держаться?

— Не бойся. Прыгай в меня.

Облако поднялось выше и замочило угол картины. И на мышонка Терентия стекла голубая капля.

Снизилось облако над рекой. Пролилось дождем частично.

Очутился мышонок в реке у самого берега. Вылез. Отряхнулся. Посмотрел на себя — ахнул.

Был он голубым. Таким голубым, что невоспитанные бездомные коты проворчали:

— Какой цвет несъедобный.

А Попугаев Вовка сказал:

— О-го-го...

КАК МЫШОНОК ТЕРЕНТИЙ НАШЁЛ ДРУГА

Мышонок Терентий направился к себе в башню. Завернул за угол крепостной стены и воскликнул:

— Ой! — Перед ним стоял жеребенок Миша.

Жеребенок Миша тоже воскликнул:

— Ой! — потому что перед ним был мышонок, каких не бывает.

— Ты такой красивый, такой красивый, такой золотой, — сказал мышонок Терентий. И закричал: — Я вижу! Я сейчас все-все вижу. Я понял... Помчались.

Они побежали было. Но вдруг мышонок Терентий остановился.

— Нет. Лучше подожди меня здесь. Будь другом. Вот здесь, пожалуйста. — Мышонок Терентий отвел жеребенка Мишу к крепостной стене, где зеленая трава и желтый песок. И повторил: — Будь другом. Я тебя очень прошу.

— С удовольствием, — сказал жеребенок Миша. — Мне очень хочется быть твоим другом.

— Слов нет, как я рад! — прокричал мышонок Терентий. Он уже мчался по лестнице самой высокой башни в избушку-сторожку, где было все, что нужно художнику, даже клетчатый шарф.

— Как вы думаете, сейчас у него получится? — спросила прабабушка Агриппина. Она сидела на бугорке в тени лопухов и вязала мышонку теплый жилет.

— Я не знаю, что вы имеете в виду? — ответил ей жеребенок Миша.

А милиционер товарищ Марусин, он подошел сзади, посмотрел в бинокль на самый верх шатровой башенной крыши. И сказал:

— Ещё немного терпения...

Мышонок Терентий рисовал. Древние почти малиновые башни крепости как бы летели вверх, в беспредельность, и голубое небо раступалось над ними, и желтый песок как бы сливался с синей-синей рекой и отвесно уходил в глубину. Зеленая трава кружилась плавно, как медленные карусели. И все потому, что у крепостной стены стоял жеребенок Миша, приводя все цвета природы в движение своим удивительно золотистым цветом.

И еще потому, что мышонок Терентий обрел друга.

В РЕДАКЦИЮ ПРИШЛО ПИСЬМО.

Ученица шестого класса Майя Чарушина из Челябинска пишет:

«Я люблю читать книги про революционеров, про то, как им было тяжело, но они не сдавались, не прекращали бороться с царем.

Дорогая редакция! Попросите, пожалуйста, писателя, который пишет про революционеров, рассказать — как он пишет свои книги и почему — именно о революционерах, а не о каких-нибудь других людях. Ведь революционеры жили очень давно, писатель их, наверное, никогда живых не видел, и, значит, трудно ему писать о них».

Рисунки В. Ветрогонского
к книге Б. Раевского „Товарищ Богдан“

Редакция показала это письмо ленинградскому писателю Б. М. Раевскому. Вот что он ответил:

— У каждого писателя есть своя любимая тема, свой любимый герой, которому писатель отдает много сил, о котором часто думает, с которым идет по жизни.

Для меня таким вот центральным героем стал Иван Васильевич Бабушкин.

Чем больше я вчитываюсь в пожелтевшие архивные документы и воспоминания старых большевиков о Бабушкине, тем яснее перед моими глазами встает удивительно простой, скромный человек, сурово и незаметно, без громких фраз делавший свое многотрудное дело. Эта вот простота и скромность особенно привлекают меня в Бабушкине.

Иван Васильевич был слесарем. Его товарищи не раз вспоминали об умелых руках этого питерского мастерового. С детства, с четырнадцати лет, он слесарил и достиг в этом ремесле подлинного совершенства. Но, скрываясь от преследований полиции, ему приходилось часто менять профессии. И тут золотые руки не раз выручали Бабушкина. Однажды, например, скрываясь от шпикиов, Бабушкин поехал в Полоцк. Денег у него было мало. Снова стать слесарем? Опасно. Ведь царские ищейки знают его основную профессию. И Бабушкин открывает столярную мастерскую. Новоиспеченный «столичный столяр-краснодеревец» (так он себя назвал) принимает всевозможные заказы, мастерит столы и табуретки, чинит шкапулки, рамы, и даже собственноручно изготавливает тяжелый пузатый комод по заказу какой-то купчихи.

Чрезвычайно нравится мне и упорное всепреодолевающее стремление Бабушкина овладеть знаниями.

Усталый, после двенадцатичасового рабочего дня, шел он в вечернюю школу, слушал уроки Надежды Константиновны Крупской и других учительниц. По ночам упорно читал, решал задачи. А когда глаза совсем уже слипались — нюхал луковичу и так прогонял сон. Впоследствии для него, как и для многих других революционеров, университетом стала тюрьма. Каждый день, проведенный в камере, Бабушкин старался использовать для самообразования. Он получал с воли популярные книги по физике и астрономии, описания путешествий и военных кампаний. И изучал эти книги от корки до корки, так прилежно, словно завтра учитель должен был вызвать его к доске.

Однажды в кладовку к Бабушкину, который работал кладовщиком на строительстве трамвайного пути, зашел жандарм: он изнывал от жары. Бабушкин дал ему кружку воды. Разговорились. И тут выяснилось, что жандарм разыскивает не кого иного, как... «опасного политического преступника Бабушкина»!

Ничем не выдав своего волнения, Бабушкин (он жил под чужой фамилией) хладнокровно продолжал беседу. Узнав, что жандармам известны его приметы, в том числе и то, что он некурящий, Бабушкин достал из кармана пачку папирос, которую из конспиративных соображений носил при себе, и угостил жандарма. Так ему удалось окончательно

уйти от всяких подозрений. И вскоре он благополучно покинул Смоленск.

Эта же железная воля большевика помогла Бабушкину и в питерской тюрьме, куда вместе с ним бросили его жену и четырехлетнюю дочку Лидочку. Бабушкина посадили в сырую полутемную «одиночку», а жену с ребенком — в другую камеру. Долгие месяцы Иван Васильевич ничего не знал об их судьбе. Потом «тюремный телеграф» — перестук — принес ему через стены страшную весть: Лидочка умерла в тюрьме. Понадобилось все мужество, вся выдержка стойкого ленинца, чтобы здесь, в глухой и темной «одиночке», получив такой жестокий удар, не пасть духом, не согнуться, не прекратить борьбы.

Вдумываясь в жизнь Бабушкина, я вижу, что вся она была подвигом.

В январе 1906 года Бабушкин вез транспорт с оружием из восставшей Читы в Иркутск. Бабушкин знал, что идет на огромный риск: по железной дороге навстречу ему двигался карательный отряд генерала Меллер-Закомельского. Однако оружие до зарезу было необходимо восставшим рабочим Иркутска, и Бабушкин решил: «Попробую прорваться». Но выполнить свой замысел он не смог. На одной из станций Бабушкин нарвался на карателей.

Так героически погиб Иван Васильевич Бабушкин. Погиб всего тридцати трех лет от роду. Ленин назвал его народным героем, гордостью нашей партии.

СТРАНИЦЫ

ЗЕЛЕНЫЕ

Дорогие друзья! Дорогие читатели «Зеленых страниц»!

В прошлом, 1977 году мы провели ПОИСК редких и необычных растений. Вами было найдено много интересного и даже сделаны открытия.

Рисунки Н. Корниловой

В 1978 году «Зеленые страницы» начинают операцию «ЧУДО-ДЕРЕВО», которая будет продолжением ПОИСКА.

Что такое операция «Чудо-дерево»? В Поиске вы разыскивали редкие и необычные растения, операция «Чудо-дерево» — это их расселение.

Расселять мы будем те растения, которые редки и необычны для ваших краев, которые, кроме того, красивы, ценны и могут обогатить растительность вашего края.

Редкие и необычные растения привлекают и ученых-специалистов, и любителей природы. Иногда редкое растение — реликт, то есть остаток вымершей ныне растительности, но для человека оно может быть, скажем, ценнейшим лекарством... Бывает, что растение «переселяют» из далеких краев люди — это когда они привозят из «чужеземных» краев и высевают семена диковинных или полезных растений...

Одни растения — это пища, другие — лекарство, третьи — сырье для промышленности. Одно плохо, используя растения, человек берет их и не заботится о восполнении. Давайте же поможем природе восполнить потери! Сделаем свои леса еще более красивыми и ценными.

Операция «Чудо-дерево» поможет вам в этом.

В ходе операции вам придется потрудиться. Ведь нужно будет сначала заложить опытные площадки по акклиматизации растений. Опытной площадкой может быть пришкольный участок, участок на юннатской станции, питомник школьного лесничества и даже приусадебный участок...

Участвовать в операции «Чудо-дерево» могут и отдельные юннаты, но еще лучше, если будут созданы группы юннатов-опытников, которые

смогут вести серьезную научную работу по акклиматизации растений. В организации таких групп вам помогут взрослые: учителя, вожатые, лесники, лесничие, лесоводы, агрономы, инженеры по озеленению, студенты-биологи ближайших вузов.

Всех, кто хочет принять участие в операции «Чудо-дерево», просим срочно сообщить нам о своей готовности.

В сообщении укажите:

1. Состав группы юннатов-опытников и руководителя.

2. Местонахождение и размер участка, подготовленного для опытов, ваш точный почтовый адрес.

3. Если на вашем юннатском участке уже проводились или проводятся опыты по акклиматизации, то сообщите: какие? Каковы результаты? Какие семена вы хотели бы получить и какие можете предложить в обмен?

При «Зеленых страницах» «Костра» организуется консультационный пункт по расселению и акклиматизации растений, а также бюро обмена опытом и семенами.

О лучших делах юннатов — участников операции «Чудо-дерево» мы будем печатать сообщения.

Операцией «Чудо-дерево» руководят:

Ботанический сад Академии наук СССР,
Ботанический сад Лесотехнической Академии им. С. М. Кирова,

Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова (кафедра географии растений).

Наш адрес: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, «Костер», «Зеленые страницы», «Чудо-дерево»

ТВОЙ
ЗАРУБЕЖНЫЙ
РОВЕСНИК

Ей десять лет. Зовут ее Джотсна — „Лунный свет“. Живет она на юге Индии, в городе Мадрасе. Отец ее фотограф, но снимает он не людей, а животных, и маленькая Джотсна часто отправляется с ним в экспедиции — в джунгли, в лес.

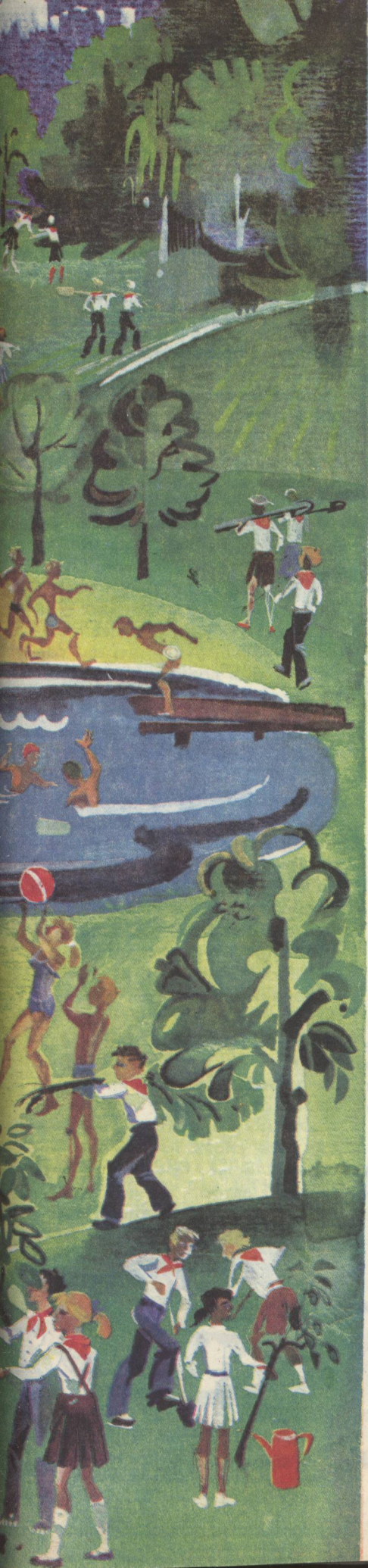
Это случилось в мае. Май самый жаркий месяц в Индии, и ртутный столбик термометра изо дня в день поднимается до 37 градусов. Отец взял Джотсну

на речку. Он снимал там чернокрылых куликов, белых цапель и морских чаек, а Джотсна бродила по берегу.

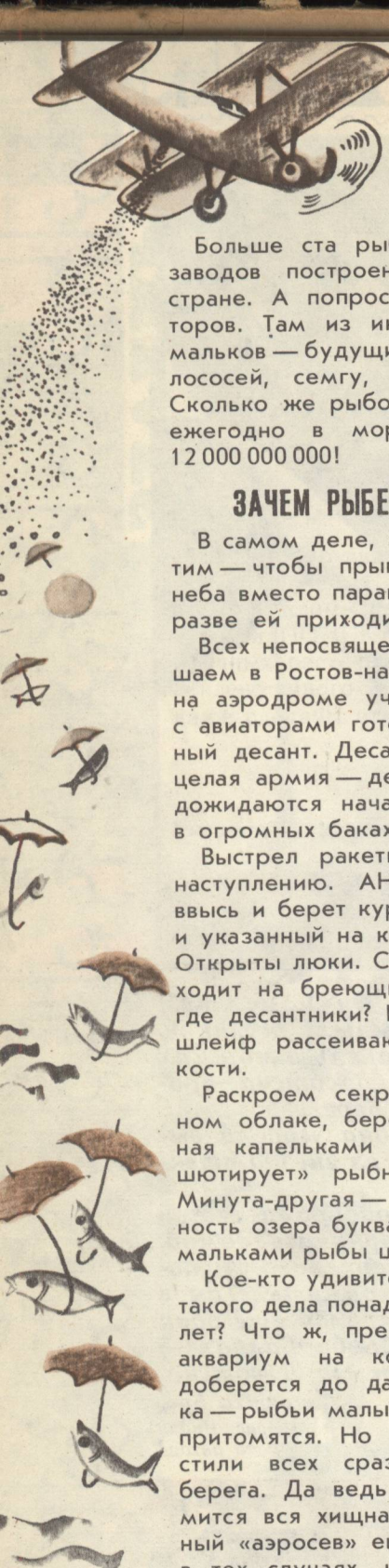
Вдруг она увидела выпавшего из гнезда птенца.

Она подобрала его, а когда вернулась домой, стала терпеливо учиться его кормить. Так в доме появился еще один жилец. „Бэби Балбал“ — называет его Джотсна.

Сидратха Буч,
Мадрас, Индия
Фото автора

НОВОСТИ НАУКИ И

Больше ста рыбопроизводных заводов построено в нашей стране. А попросту — инкубаторов. Там из икры выводят мальков — будущих осетров, лососей, семгу, кету, сига. Сколько же рыбок выпускают ежегодно в моря и реки? 12 000 000 000!

ЗАЧЕМ РЫБЕ ЗОНТИК

В самом деле, зачем? Ответим — чтобы прыгать с ним с неба вместо парашюта. Да, но разве ей приходится прыгать?

Всех непосвященных приглашаем в Ростов-на-Дону. Здесь на аэродроме ученые вместе с авиаторами готовят необычный десант. Десантники (а их целая армия — десятки тысяч) ждут начала операции в огромных баках с водой.

Выстрел ракеты — сигнал к наступлению. АН-2 взмывает ввысь и берет курс на юг. Вот и указанный на карте водоем. Открыты люки. Самолет переходит на бреющий полет. Но где десантники? Виден только шлейф рассеивающейся жидкости.

Раскроем секрет: в туманном облаке, бережно укутанная капельками воды, «парашютирует» рыбная мелюзга. Минута-другая — и поверхность озера буквально засеяна мальками рыбы ценных пород.

Кое-кто удивится: зачем для такого дела понадобился самолет? Что ж, представим себе аквариум на колесах. Пока доберется до дальнего озера — рыбы малыши наверняка притомятся. Но вот их выпустили всех сразу у одного берега. Да ведь сюда устремится вся хищная рыба! Рыбный «аэросев» еще полезен и в тех случаях, когда молодь

надо поселить в густо заросших камышом плавнях, в горных озерах.

НОВОСЕЛЫ ЗАПОЛЯРЬЯ

Норвежские рыбаки недавно изловили под водой страшное чудовище. Голова — как тарелка. Десять ног, вооруженных клешнями. И весь зверь, будто средневековый рыцарь, закован в прочнейший панцирь.

Специалисты, прибывшие по срочному вызову, определили: краб. Именно такие страшили водятся на Дальнем Востоке. Но как попал он в Северный

Ледовитый океан? Таинственный путешественник заинтересовал ученых, его фотографии появились в газетах. Однако сенсацию скоро развеяли советские биологи.

«Краб — беглец, — заявили они. — Он сбежал с крабьих плантаций, которые мы несколько лет назад строили в Баренцевом море».

Теперь крабов, часто попадающих в сети, норвежцы зовут «русским подарком».

У тех же норвежцев в уловах встречается еще один морской деликатес — «русская семга». Заметим, никакая это не семга, а просто горбуша. За Полярный круг переселена она с острова Сахалин. Чтобы южная гостья чувствовала себя на Севере уютно, мальков горбуши воспитывают в теплых инкубаторах. А потом выпускают в холодные прозрачные реки Кольского полуострова — Колу, Умбу и десятки других.

Но разве мало на Севере красной рыбы, хотя бы той же семги? — спросит знаток. Ответим ему: семга есть, но растет она слишком медленно — за два года становится едва с ладонь. А горбушу через год уже можно ловить — она весит более килограмма!

ГРЕБЕШОК НА ЗАКУСКУ

«...А киты, честное слово, в сто раз умнее коров и легче поддаются обучению! Я набросал чертежи молочного танкера, который одновременно доит четырех китов и может сопровождать мигрирующие стада».

Это отрывок из романа «Большая глубина» английского писателя-фантаста Артура Кларка. Пока писатель мечтает, мы расскажем о том, как настоящие рыбы пастбища создают наши ученые. Для этого отправимся в Таганрог, на Азовское море.

«И щуку бросили в реку» — помните слова из крыловской басни? Если бросили, хочет сказать автор, значит, все — теперь щуку ищи-свищи. Между тем колхозники уже пасут

ТЕХНИКИ

в Азове тысячные стада ценных рыб и при этом не теряют из виду ни одной рыбешки.

Им помогают сетчатые огороды. Это плавучие бассейны, где и стены, и пол — все из сетей. Для молоди — сетка помельче. Крупная рыба плавают в бассейне с большой ячейей. Вспомним, сколько хлебных зерен можно собрать с гектара поля? 50 центнеров — это очень хорошо. А голубая нива дает в двадцать пять раз больше. Вот как выгодно морелевие!

Морские фермы возникли и на Дальнем Востоке. Например, в заливе Анива выращивают под водой морского моллюска — ценный корм для кур-несушек. А в заливе Посыета — морского гребешка, съедобного моллюска, обладающего вкусным белым мясом.

КАК ОБМАНУЛИ КАРПА

Пьет ли рыба рыбий жир? Представьте себе: пьет! Зимой, чтобы избежать заболеваний своих подопечных, рыбоводы прописывают им витаминный бальзам. И рыба берет с ложечки пахучую жидкость, с охотой заедая ее настоящим зеленым салатом.

За этой удивительной трапезой можно застать сегодня подводную обитательницу на Новоладжском рыбозаводе.

Осенью, с наступлением холодов, рыбы обычно всюду впадают в спячку, и только здесь, недалеко от города Кириши, стаи словно не замечают, что зима на носу, у них аппетит хоть куда!

По десять раз здешним карпам и форели подносят обильные блюда, куда в определен-

ной пропорции входят кукуруза, овес, чечевица, ячмень, выжимки семян подсолнечника и хлопчатника, рыбная и мясокостная мука. И еще свежая корюшка — кормовые дрожжи...

Дело в том, что стаи рыб выпущены в теплые воды, которые сбрасывает тепловая электростанция. Опыт удался, подводные жители лучше усваивают корм, растут быстрее, чем в обычных прудах. Обманутая теплом рыба не замечает смены времен года.

РЫБА И ЕЕ ДРУЗЬЯ

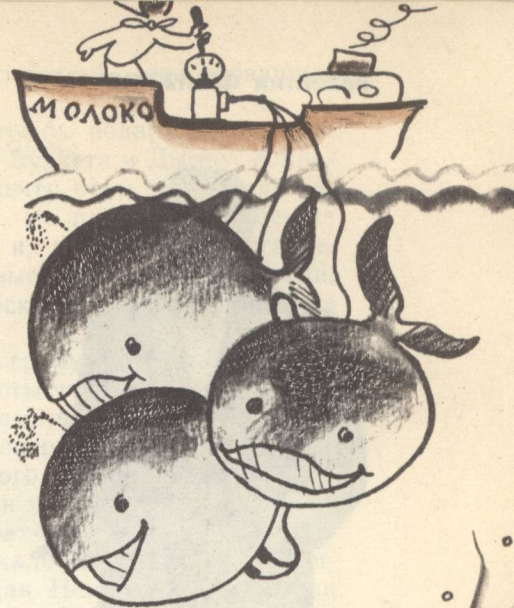
Легко ли заслужить доверие рыбы? Пионеры из Коми АССР, возглавляемые научным сотрудником Печоро-Илычского заповедника Сергеем Васильевичем Кулидой, нашли для этого свой путь. Красавице семге они помогают строить на северных реках гнезда для малышей.

Поверьте: это очень непросто. Вооружившись граблями, надо смело войти в ледяную стремнину. Операция вроде бы незатейливая — ворошить на дне плотную, заросшую илом гальку, но делать работу следует кропотливо и аккуратно. Только около чистых, рассыпных камешков останавливается на нерест семга.

Результат? Ученые спустя полгода обследовали обработанный пионерами участок реки и обнаружили сразу сорок гнезд там, где до этого рыба никогда не нерестила.

...Вот была радость: ребятам из пионерского лагеря «Северный пресс» на Карельском перешейке подарили... Голубые озера. Подарок дорогой, но что с ним делать?

Мальчишки и девчонки решили поселить тут хорошую рыбу. А щуки? Ведь они переедят всех мальков!

И тогда отцы ребят на одном из озер поставили два насоса. Опустили в воду шланги и стали озеро выкачивать. Целую неделю трудились механизмы без устали. До тех пор, пока не проступило каменистое дно.

Через несколько дней вода в озера вернулась сама. К этому времени на дне водоемов все было устроено так, чтобы рыбе было удобно жить.

И вот торжественный выпуск мальков. Это были сначала карпы, потом — пелядь и сиг. Из подъезжавших цистерн мальчики и девочки осторожно брали рыбешек руками и бережно опускали их в воду. Почему руками? Начальник пионерского лагеря, главный энтузиаст этого дела, сказал так:

— Тот, кто выпустил в воду своими руками хоть одну рыбку, тот навсегда останется другом живой природы.

И точно. Прошло уже семь лет с того дня, а забота ребят о подводном населении озер не ослабевает. Они кормят рыб, ведут за ними наблюдения. Круглый год охраняют озера. А зимой во льду делают лунки, чтобы их друзья с плавниками не задохнулись.

В. ЧЕТКАРЕВ

Рисунки А. Януса

РАССКАЗЫ ДРЕССИРОВЩИКА

Как я стал дрессировщиком

Я родился и вырос в цирке. Мой дедушка Лазарь Терентьевич сто лет назад выступал с дрессированными тиграми. Мой отец Иван Лазаревич пошел по дедушкиным стопам — дрессировал хищных зверей: косматых львов, полосатых тигров, пятнистых леопардов. Моя мама Таисия Яковлевна работала наездницей и помогала отцу обучать зверей. Шесть моих братьев и одна сестра стали цирковыми артистами: акробатами, музыкальными эксцентриками, жонглерами.

Когда мне исполнилось шесть лет, я уже был цирковым артистом.

С детства я помогал кормить животных, смотрел, как их дрессируют, старался не трусить, хотя порой от львиного рыка душа в пятки уходила.

Летом во время каникул я обычно уезжал на Волгу, в город Сталинград, где мой брат

работал директором зоопарка. Я с удовольствием купался, загорал, дышал свежим воздухом и, конечно, возился с животными. Самая большая дружба завязалась у меня со взрослой слонихой Нелли. Слоновожатый Федя очень радовался этому. Он не отличался большим трудолюбием и с радостью доверял мне свои обязанности.

Нелли сильно привязалась ко мне. Нам даже иногда разрешали выходить из слоновника и вдвоем гулять по аллеям. Прогулки вызывали восторг у посетителей зоопарка, особенно у детишек. Нелли вела себя примерно, шла медленно, никого не пугая и не задевая. Очень любила пройтись около карусели, наверное, потому, что там играла музыка.

Слониха была большая сладкожка, и я часто приносил ей сахар или леденцы. Несмотря на плакат, запрещающий бросать животным посторонние предметы, некоторые глупые посетители швыряли под ноги Нелли монетки.

Я решил обучить ее собирать монетки и складывать в миску. Умная великанша очень быстро поняла, чего от нее хотят. Таким образом,

мой первый опыт дрессировки прошел успешно. Посетителям зоопарка это тоже понравилось, и они начали чаще бросать деньги. В итоге все были довольны. На собранные слонихой деньги я ей покупал халву, кексы, конфеты, а себе мороженое и билеты в кино.

Когда я окончил среднюю школу, родители стали уговаривать меня оставить мечты о цирке и поступить в институт или в техникум. Отец доказывал, что дрессировать зверей очень трудно и опасно. Но я упорно стоял на своем — заявил, что без цирка, без животных жить не смогу и ради того, чтобы стать дрессировщиком, готов на любые лишения и любые испытания!

Начал я трудовую жизнь по уходу за хищными животными. Работа опасная, грязная, тяжелая. Когда я уезжал со своим зверинцем из Москвы, мама плакала, а отец сказал:

— Не плачь, мать! Валентин скоро вернется. Постоит у клеток, почистит навоз, познакомится с ударами медвежьих и львиных лап и сбежит из цирка!

Но я трудностей не испугался, работал с увлечением, ухаживал за молодыми львами, за очень злыми белыми медведями, за горными гималайскими и русскими бурими медведями, за слонами, за маленькими лошадами — пони. Директор, видя мою старательность, любовь к животным и умение обучать их разным трюкам, через год назначил меня помощником дрессировщика. А еще через год — в 1939 году я был приглашен работать дрессировщиком-тренером в колллектив Александра Николаевича Корнилова. Под его наблюдением обучал слонов новым трюкам и репетировал, повторял всю программу выступления.

Я все-таки добился своего, достиг заветной цели — в девятнадцать лет стал дрессировщиком! Даже отец начал гордиться мною. А я не чувствовал полного удовлетворения — хотелось не только дрессировать животных, но и выступать со своими питомцами перед публикой, стать артистом.

Буркет и Дымка

За год до начала Великой Отечественной войны работали мы в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. На ней лучшие колхозники со всех республик нашей Родины показывали свои достижения: кто больше всех зерна собрал, кто новый сорт пшеницы вывел, кто больше всех молока надоил, кто вырастил самых красивых коней, самых жирных свиней, самых длинношерстных овец.

Для развлечения посетителей работал цирк, в котором мы выступали. А рядом с цирком была зоологическая площадка юных натуралистов с несколькими вольерами. В одном вольере были олени, в другом — медведи, в третьем — орлы. Ведали этой площадкой октябрята и пионеры. Я подружился с ребятами, помогал им, водил в цирк за кулисы, где

показывали слонов, лошадей, дрессированных собак.

Пионеры в знак дружбы подарили мне двух маленьких медвежат: Буркета и Дымку. Юнаты знали про мою мечту стать самостоятельным дрессировщиком. На прощание я обещал через год пригласить их в цирк на представление, в котором буду выступать с медвежатами.

Но выступать в Москве перед зрителями мне не довелось.

22 июня 1941 года грянула война. Цирк закрылся. Многие артисты ушли на фронт. Храбро воевали с фашистами в кавалерийском корпусе легендарного генерала Доватора лихие наездники из циркового ансамбля донских казаков. Бомбил Берлин штурман дальнего бомбардировщика акробат-прыгун Владимир Довейко, отважно сражались с врагом воздушные гимнасты Изяслав Немчинский, Герман Резников, клоун Василий Мозель и десятки других мастеров цирка. Немало наших артистов погибло в боях за свободу Отчизны. Среди них — акробат Ваня Шепетков, один из бесстрашных двадцати восьмью панфиловцев, прегравивших немецким танкам путь на Москву.

Меня по состоянию здоровья в армию не взяли. Поручили отвезти на Урал, в город Свердловск, ученого слона Ранго. Вместе со слоном в товарный вагон я погрузил и своих медвежат — Буркета и Дымку. Очень забавные и очень разные по характеру они были. Буркет любил поворчать, побурчать, все делал медленно, был замкнутый, степенный, но не злой. У Дымки был необыкновенно красивый шелковистый мех, коричневого с золотистым отливом. Она отличалась добрым веселым нравом, была шустрая, игривая и очень способная — все схватывала на лету!

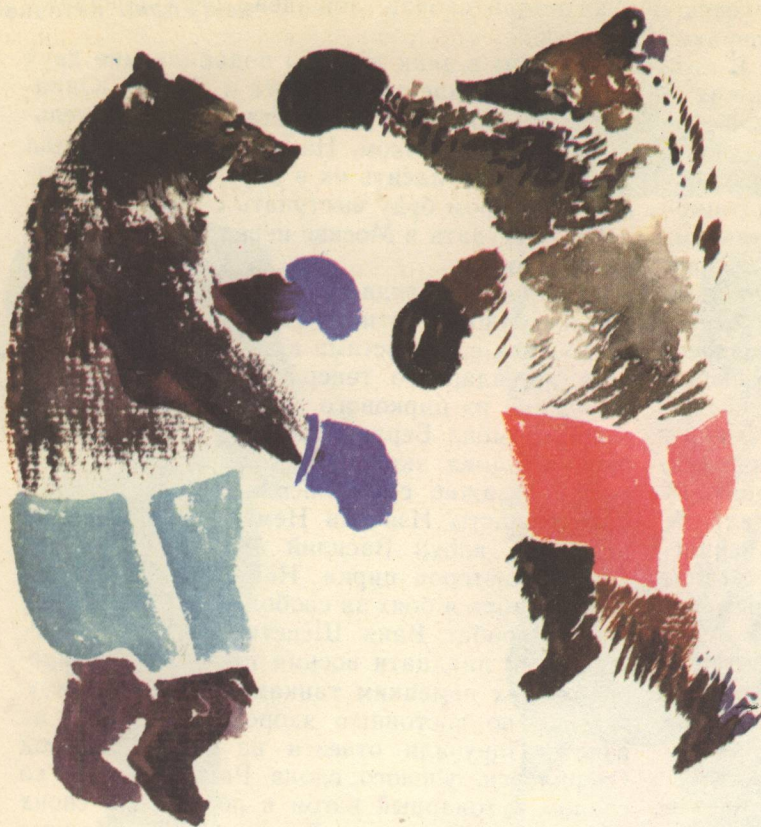
5 октября 1941 года состоялась наша премьера — первое выступление перед зрителями. Мои юные косолапые артисты очень понравились публике. Шаловливая Дымка лихо раскатывала на двухколесном велосипеде по цирковой арене, а строгий Буркет с милицейской палочкой в лапе регулировал движение. Потом они катались на больших шарах.

Буркет, лежа на спине, крутил лапами бревно, а затем палку, на концах которой ярким огнем горели два факела. В это время выключали свет, и вращающиеся факелы казались сплошным огненным кругом.

Дымка становилась на передние лапы, задние поднимала вверх и бежала по барьеру. В конце номера медведи танцевали вальс, кувыркались и кланялись зрителям!

Конечно, всего за один год научить медвежат таким трюкам было трудно, но четвероногие друзья меня не подвели, занимались старательно и «на отлично» сдали экзамены!

Я их очень любил, много лет выступал с ними. А когда они стали старенькими и уже не могли исполнять трюки, я не сдал их в зоопарк, а перевел на пенсию — ухаживал за ними, хорошо кормил и всюду возил с собой. Друзей в беде никогда нельзя бросать!

Случай на рынке

В конце войны приехали мы на гастроли в Среднюю Азию, в город Алма-Ата. А выступать негде, здание цирка занято под склад. Пришлось расположиться в центре рыночной площади под открытым небом, благо солнышко южное жаркое, дождей почти нет.

Азиатский рынок — красочный, людный, шумный. Представьте себе на лотках горы душистых румяных яблок, пунцовых помидоров, ароматных продолговатых желтых дынь, пузатых-пузатых, зеленых в тигриную полоску большущих арбузов. Тут же торгуют длинными полосатыми халатами, цветастыми тюбетейками, глиняными мисками и кувшинами. Слева от входа в цирк люди утоляют жажду крепким настоем зеленого чая. Справа, неподалеку от нашей кассы, прямо на земле расстелен вышитый платок, похожий на сказочный ковер-самолет. На платке сияют всеми цветами радуги хрустальные графинчики, фарфоровые чашки, блюдца, разноцветные фаянсовые блюда, стеклянные вазы. Продает этот хрупкий товар крикливый веселый толстяк в засаленном халате и сдвинутой на затылок розовой тюбетейке. А мимо торговых рядов течет бесконечный поток покупателей. Гудит базар, как пчелиный улей. Звучит казахская, туркменская, русская речь. Каждый торговец громко расхваливает свой товар.

Расхваливать наш товар — зазывать публику в цирк — поручили мне. Давали мы по несколько представлений в день. Так что работы было очень много — и выступать приходилось, и еще стоять возле кассы, приглашать всех покупать билеты:

— Билеты в цирк разбирайте скорей — увидите редких хищных зверей!

— От зрелища у публики захватывает дух! Укрощает львиц Зулейка Фаррух! Знаменитая женщина ничего не боится — голова Зулейки в пасти у львицы!

Так я рекламировал и остальные номера программы. А в конце объявлял:

— У кого есть монеты — покупайте билеты! Начнем представление без промедления. Только в течение часа работает наша касса!

С этими словами я уходил в кассу. А из главного входа в цирк без поводка выбегала моя медведица Дымка. В передней лапе она держала бумажные деньги. Комично мотая головой, Дымка подбегала к кассе

и просовывала в окошечко деньги, а затем и свой черный нос. В это время я давал ей леденец, а в лапу вкладывал бумажку, на которой было написано: «Билет в цирк». Медведица, окруженная толпой зевак, поднимала лапу с билетом высоко вверх!

Я выходил из кассы и призывал всех следовать примеру Дымки. Затем мы с ней давали маленькое представление: медведица кувыркалась, кружилась на одном месте, показывала, как баба с коромыслом по воду идет, как пьяный мужик танцует. Толпа хохотала.

После такой агитации многие приобретали билеты на представление.

Все шло хорошо до тех пор, пока однажды не случилось непредвиденное происшествие.

Дымка бодро подбежала к кассе, получила в награду конфетку и билет. Настроение у медведицы в тот день было особенно веселое. Она с удовольствием прыгала, играла со мной. Публика была в восторге. В заключение Дымка станцевала вальс и начала, как мячик, подпрыгивать. Я никак не мог унять шалунью. Она прыгала и пятилась, прыгала и пятилась... Толпа расступилась. Я не заметил, как мы приблизились к торговцу посудой. Последний прыжок был самым высоким. Медведица прыгнула и приземлилась на ковер с посудой!

Раздался звон опрокинутого хрусталя, треск разбитых фаянсовых чашек.

Испугавшаяся Дымка помчалась на четырех лапах вдоль торгового ряда, опрокидывая

глиняные горшки, лотки с фруктами и всякой всячиной. Торговцы подняли крик. Началась паника.

— Львицы вырвались из клетки! — завизжал кто-то страшным голосом.

Люди побежали. Началась давка. С большим трудом мне удалось догнать медведицу. Я схватил ее за ошейник и затащил под какой-то прилавок. Так мы переждали первые самые опасные минуты всеобщего страха и бегства! Стоял такой грохот и топот, будто мчались не люди, а стадо обезумевших слонов. Бедная Дымка скулила и дрожала от страха. Базар опустел.

Я с косолапой возмутительницей спокойствия выбрался из укрытия и бегом вернулся в цирк.

К счастью, ни один человек серьезно не пострадал. Торговцы и покупатели вскоре вернулись к своим занятиям. Кто ругался, кто смеялся, кто потирал ушибленные места.

Директор цирка в ожидании крупных неприятностей распекал меня и Дымку за легкомыслие и баловство. А погрузневший торговец, ворча и причитая, собирал на своем ковре черепки и осколки. Я кинулся к нему с извинениями. Он только махнул рукой и сказал:

— Что с вас возьмешь. Медвежонок глупый и дрессировщик не умней. Проведешь меня со всей семьей в цирк бесплатно на представление — и мы квиты! Согласен?

Я кивнул головой и благодарно улыбнулся. На завтра продавец явился в цирк с женой, десятью детьми и тещей! Я на свои деньги купил тринадцать билетов и усадил доброго человека и его многочисленных домочадцев на самые почетные места!

После таких расходов мне пришлось до очередной получки сидеть на полуголодном пайке.

— Ничего не поделаешь — за шалости надо расплачиваться! — сказал директор цирка.

Медвежий цирк

На фронте и в тылу пушечными салютами и разноцветными сказочными фейерверками отпраздновали Великую Победу!

Задумал я в это время подготовить большое представление с дрессированными медведями и назвать его «Медвежий цирк». Я хотел, чтобы медведи делали в моем цирке все, что в обычном цирке делают артисты: в воздухе летали, жонглировали, исполняли акробатические номера, чтобы медведи стали клоунами, музыкальными эксцентриками, эквилибристами, велофигуристами и даже гонщиками на мотоциклах. Такого цирка в мире не было!

Как задумал — так все и сделал. Мечты мои сбылись! Но удача далась нелегко. Я добился своего неустанной работой. На это ушло не только три года, за которые я подготовил «Медвежий цирк». На это ушла вся моя жизнь!

Рисунки
С. Острова

Конечно, я не один создавал аттракцион — цирковое представление. Мне помогли друзья: старые артисты дали добрый совет, ассистенты вместе со мной обучали медведей, композитор музыку сочинил, художник декорации и костюмы придумал, писатель стихи и шутки написал, режиссеры поставили представление. Без хороших верных друзей большое дело не делается.

Аттракцион «Медвежий цирк» недавно отпраздновал тридцать лет со дня выпуска. За эти годы сменилось три поколения косолапых артистов, мы объехали дважды почти весь земной шар: выступали в Северной Америке, в Японии, во многих странах Западной Европы. Повсюду — в Советском Союзе и за границей — наши выступления проходили успешно. «Медвежий цирк» хвалили в газетах, награждали призами и дипломами, но самое дорогое вознаграждение мы получали от зрителей — видели радость на их лицах, слышали веселый смех детей и взрослых, дружные аплодисменты.

Про моего любимого медведя

Почти тридцать лет тому назад заканчивал гастроль в Ленинграде известный укротитель львов Макс Борисов. На ленинградских улицах и проспектах были расклеены первые афиши «Медвежьего цирка». Мы должны были приехать и сменить Борисова в уютном красивом цирке на набережной Фонтанки.

За несколько дней до нашего приезда в цирк пришел старый лесник с мешком за плечами. Спросил Филатова. Когда ему ответили, что я еще в дороге, старик очень расстроился. Его провели в гардеробную к Максиму Борисовичу Борисову.

— Товарищ артист, — сказал лесник. — В Ленинград я прибыл издалека, из области, всего на один день службы. Прослышал, что в цирке дрессированные медведи выступают, и прихватил с собой подарок для дрессировщика, а он, оказывается, еще не приехал. Что же мне делать?

С этими словами приезжий развязал мешок и вынул из него маленького медвежонка со светло-коричневой шерсткой. Медвежонок заскулил. Лесник дал ему бутылочку с молоком, на горлышко которой была надета соска. Медвежонок, причмокивая от удовольствия, начал сосать молоко. А лесник продолжал свой рассказ:

— Этого малыша я в лесу подобрал. Сиротинушка он несчастный. Его матушка — медведица — на mine подорвалась, вот он один и остался. Не подбери я его, совсем бы пропал. Зверек он добрый, понятливый. Может, из него знаменитый циркач получится?

— Может быть, и получится, попробуем, — с улыбкой сказал Борисов, взял малыша на руки и поблагодарил доброго старика.

Через два дня я приехал в Ленинград, и Макс Борисов передал мне подарок лесника со словами:

— Дорогой Валя! Очень рад, что ты стал настоящим дрессировщиком. Береги этого маленького медвежонка, воспитай из него хорошего артиста. Пусть он тебе напоминает о нашей дружбе!

— Уважаемый Макс Борисович! — ответил я. — Если вы не возражаете, я назову медвежонка в вашу честь Максом!

Максик быстро привык ко мне. Куда я ни пойду, следом бежит он. Посмотришь издали — кажется, катится мохнатый шарик. Без цепочки, без поводка ходил со мной медвежонок гулять, обожал играть в прятки. Утром в пустом цирке я спрячусь между кресел, а Максик наострит свои круглые ушки, понюхает воздух, паркет и пулей мчится в мою сторону. Прибежит, увидит хозяина и начинает приплясывать от радости.

Макс бесконечно доверял мне, а порой проявлял отчаянную смелость. Например, бывало, я оставляю его на сцене, а сам спущусь в артистический проход и крикну:

— Максик! Прыгай, не бойся!

И медвежонок прыгал ко мне на руки с высоты четырех метров!

Он оказался очень способным имышленным учеником.

За свою долгую жизнь в цирке он выступал во многих жанрах, был велосипедистом и регулировщиком движения, секундантом в боксе, бил в гонг, носил на своих могучих лапах беленького песика Бобика, участвовал в клоунадах, ездил на тележке, запряженной гусем и пеликаном. Прожил Макс в неволе дольше всех известных мне медведей! За тридцать два года нашей дружбы и совместной работы старейшина «Медвежьего цирка» в отличие от своих собратьев ни разу не ударил, не поцарапал меня, ни разу не проявил своей хищной натуры.

В старости он стал хуже видеть, плохо слышать, стал ворчливым и раздражительным, как многие дедушки. Но стоило мне подойти ближе и сказать ему:

— Макс, дружок, что с тобой? Ну, что ты ворчишь? — И огромный медведь переставал рычать, закидывал мне лапу на плечо, терся носом о мое ухо и покорно отправлялся на свое место.

Макс был героем двух кинофильмов: «Вашу лапу, медведь!» и «Мишель и Мишутка», не раз выступал по телевидению. Всегда вел себя степенно и дисциплинированно. Но однажды в свои молодые годы он выкинул неожиданный номер.

На киносъемке

Случилось это в Казани, в старинном волжском городе. В жаркий летний день к цирку подъехали автобусы с киносъемочной группой

студии «Мосфильм». К одному из вагончиков прицепили автобус с медведями, и мы отправились в лес на съемки веселой кинокартины для детей «Вашу лапу, медведь!».

Снимали в природных условиях, или, как говорят специалисты, «на натуре», сцену, в которой медведь пугает нарушителей правил охоты — браконьеров, собравшихся поделить его шкуру. Роль этого медведя успешно исполнил солист «Медвежьего цирка» Макс. После того, как он на самом деле основательно напугал артистов, изображавших бессовестных охотников, Макс должен был сесть на мотоцикл и укатить в глубь леса по узкой тропинке.

Первая съемка прошла удачно. Режиссер фильма Тамара Лисициан попросила оператора и артистов на всякий случай снять эту сцену еще один раз, сделать дубль. Хотя Макс не был новичком в искусстве и привык повторять на репетициях одни и те же трюки, на этот раз ему, видно, надоело позировать перед камерой, надоело шум, суета работников кино. Съемка продолжалась более двух часов, да еще в жару. Медведь недовольно рычал.

Начали повторную съемку. Макс без большой охоты поднял лапу на браконьеров. Потом сел на мотоцикл и поехал, как было предусмотрено сценарием фильма. Но поехал Макс быстрее, чем надо, и совсем в другую сторону. А я со своими помощниками бросился вдогонку. Сначала Макс прибавил газ, а потом на ходу прыгнул с мотоцикла и побежал по тропинке, ведущей к озеру. Мы — за ним, за нами — участники киногоруппы. Медведи бегают очень быстро. Поэтому Макс без труда возглавлял забег. Мы еле поспевали за беглецом. Добежав до берега, Макс без промедления прыгнул в воду!

Я испугался, что он может уплыть на другой берег и заблудиться. Мои молодые помощники, не снимая одежды, вбежали в озеро следом

за Максом. Медведь плыл легко, красиво. Время от времени громко фыркал и победно поглядывал в нашу сторону. Преследователи явно уступали Максиму в скорости. Доплыв до середины озера, косматый киногоерой осмотрелся и повернул назад к берегу. Отставших пловцов Макс во внимание не принимал.

Он вылез на берег, отряхнул с себя воду и быстрым шагом углубился в лес.

Я отставал метров на пятьдесят, бежал из последних сил, стараясь не упустить Макса из виду. Смотрю, выбежал мой любимец на полянку, где стоял милицкий автомобиль. Рядом на травке сидели милиционеры, охранявшие место киносъемки от посторонних лиц. Когда милиционеры увидели медведя, они с невероятной скоростью забрались в свою машину и захлопнули двери. Вставший на дыбы Макс торжествующе рывкнул, опустился на четвереньки и трусцой скрылся в лесной чаще. Я вслед ему крикнул:

— Макс! Максим! Молю тебя, остановись! Стой! Ко мне!

Знакомая команда на этот раз сделала свое дело. Он сначала остановился, отдышался, а потом медленно побрел мне навстречу. Мы обнялись. После купания Макс был бодр и весел, а я еле дышал от усталости и перенесенных волнений. Медведь взял меня под руку и, не торопясь, направился к клетке-вагончику.

На лужайке, где происходила киносъемка, мои ассистенты сушили рубашки и брюки. Макс прошел мимо, салютуя побежденным поднятой лапой, и с достоинством занял свое место в клетке. Там его ждал вкусный обед.

— Ваш Макс капризен, как все знаменитые киноартисты, — сказал режиссер фильма.

— Вы ошибаетесь, — возразил я. — Мой медведь скромный и трудолюбив. Просто он не терпит суеты и лишней работы.

Продолжение следует

Рисунок С. Качоровского

ГАЛИЛЕЙ

Нина ЯНОЧКИНА

«А все-таки она вертится!»
Дрожала старческая трость.
Святейших благостные лица
Перекосили страх и злость.

И через горечь отречений
Сквозь толщи казематных стен
Нечеловеческих мучений
Восстала истина с колен.

О, как пути у правды круты,
Но не стыдитесь никогда
Швырнуть в последнюю минуту
«Земля вертится, господа!»

ЗЕЛЕНЫЙ КРОКОДИЛ

Жил в стране Америке
Зеленый крокодил.
Однажды утром в скверике
Корову он спросил:
— Вы, тетушка корова,
Живете где сейчас
И ходит ли теленок
У вас в четвертый класс?

Корова промычала
И грубо отвечала:
— Тебе какое дело,
Где я живу сейчас
И ходит ли теленок
Еще в четвертый класс?

Обиделся, наверное,
Зеленый крокодил
И тем же утром в скверике
Корову проглотил.

*Оля Табачникова,
3-й класс,
Харьков*

Рисунок Е. Вознесенской

РАЗБУДИЛИ СТАРОЖИЛА

Жил медведь без приключений.
Спал зимой в своей берлоге
Безо всяких сновидений...
Вдруг однажды на дороге,
На зеленом перекрестке,
Там, где улица лесная
И шумят листвою березки,
Он услышал звон трамвая!

Встал медведь, глазами хлопнул,
Удивился, а потом
Заревел! Ногою топнул!
С кручи съехал кувырком
И застыл от удивленья,
Пасть медвежью открыл...

Вот какое приключенье
Обнаружил старожил:

Он в тайге четыре года
Жил совсем один — и вот
Тут теперь полно народа,
В гору улица растет!

— Эх! — вздохнул он. — В лес пойду!
Там-то я не пропаду.

*Андрей Белоусов,
7-й класс,
Волгоградская область*

Рисунок
А. Орлова

СЕРЕБРИСТЫЕ ПАРАШЮТИСТЫ

А. БАТУЕВ

Рисунок А. Януса

Теплая лунная ночь, тихо. Дневное население леса спит, и только летучие мыши да сова бесшумно скользят между деревьями, внезапно появляясь и исчезая. На лесной поляне, где в центре стоит высокая белоствольная береза, оживление — словно сказочные лесные человечки водят хороводы — играют в пятнашки вокруг ствола березы, один за другим, все выше и выше. При неверном лунном свете не наскочат на сучок, не сорвутся. Скачут, да так резво, что и белке не угнаться. Вот и макушка — дальше бежать некуда, но... прыжок — и полетели, полетели, как игрушечные планеры.

Кто же эти таинственные ночные акробаты-планеристы? Это — летяги, маленькие зверьки-грызуны. Они отчасти напоминают белок. Тоже строят в дуплах теплые гнезда, запасают на зиму провиант — ольховые шишечки, березовые и осиновые сережки, веточки, почки.

В сильные морозы летяги, как и белки, не выходят из своего теплого дома, хотя имеют пышный густой шелковистый мех. Летяга миниатюрнее белки, не больше 20 сантиметров, и легко умещается на ладони.

Внешне она не похожа ни на одного из наших зверьков. Цвет шерстки серебристо-серый (летом с коричневым оттенком). Широкий пушистый хвост и огромные черные глаза — необходимая принадлежность ночного животного.

Но самая главная особенность этого зверька — кожистая летательная перепонка, поросшая шерстью — патагийум. Когда летяга сидит, эта кожистая складка мало заметна. В момент прыжка перепонка растягивается по бокам зверька между передними и задними лапками, и летяга планирует, пролетая до 50 метров!

Маленькая летунья долгожитель: если зайцы живут 5—7 лет, а лисицы 10—12, то летяга живет до 13-ти лет, а весит не больше 50 граммов!

Мне приходилось наблюдать в лесу ночные «хороводы» серебристых парашютистов, но вблизи я их не видел, и вот в зоокружок Дома пионеров принесли двух летяг. Выпущенные в вольеру зверьки быстро взбежали по сетке и уселись, словно сложившись пополам, на полочке. Белки обязательно стали бы носиться по вольере, а прижавшиеся друг к другу летяги сидели неподвижно и печально тара-

шили на нас огромные черные глаза. Тут не скажешь: «глазки-бусинки» — здесь уже целые пуговицы.

Конечно, и юннаты и я радовались появлению в кружке необычных зверьков. Но уже наутро нас ожидал печальный сюрприз — летяги исчезли. Сколько мы ни искали — никаких отверстий или лазов в вольере так и не обнаружили. Как ушли зверьки — непонятно.

Побег в зоокружке всегда может закончиться трагически, особенно если учесть присутствие нескольких обезьян и енотовидной собаки. С тяжелым тревожным чувством мы начали осмотр вольер и клеток — нет ли следов расправы над беглецами. Как обидно! Вчера была такая большая радость, а сегодня мы боялись найти серебристых зверьков растерзанными, убитыми. Наконец осмотр закончен. Нет, летяги не убиты, но где они? Может быть, они уже убежали из Дома пионеров? Ведь они настолько малы, что могут протиснуться в самое узкое отверстие.

И снова мы ищем беглецов, но все безрезультатно. Уже поздно. Отпускаю, а точнее, отправляю ребят домой. Они готовы были бы ночевать в кружке — караулить появление летяг. Главное — выяснить, здесь ли беглецы. Поэтому перед уходом на пол и в центре комнаты я просеял из ситечка тонкий слой муки и на него поставил мисочку с водой и кормушку. Если зверьки в кружке, мы их обнаружим по следам.

На другой день рано утром я уже в Доме пионеров. Моя хитрость удалась — летяги пиروвали ночью и их следы вели к огромному шкафу-стеллажу, где хранились зерновые корма. Так вот где спрятались наши летяги!

Надо было, соблюдая крайнюю осторожность, освободить полностью шкаф. Я не стал дожидаться юннатов, так как боялся поручить им такую ответственную работу. Юность горя-

ча и нетерпелива, а долго ли придавить крошечного парашютиста?

Я приготовил сачок, большую просторную клетку-садок и начал разгрузку. Это была нелегкая работа. Постепенно в центре комнаты стал расти холм из мешков. Но летяги ничем не выдавали своего присутствия. Поразительная выдержка! Возможно, что ночью они бы и бросились наутек, но днем предпочитали до конца не покидать укрытия.

Вначале казалось, что каждый вынутый мешок приближает встречу с летягами, но надежда стала постепенно таять. И когда, наконец, остался последний мешок, я совсем упал духом и долго не мог решиться взяться за него. «Ну, была не была», — и я осторожно потянул мешок на себя. И тотчас из-за мешка что-то стремительно метнулось, но с такой скоростью, что я ничего рассмотреть не успел.

Летяги на вольере повисли вниз головой. Они держались за решетку только задними ногами, готовые в любой момент пуститься наутек по воздуху. Но для сверхдальних полетов летяге нужна высота, а в комнате беглянки вскоре были накрыты сачком и оказались в клетке.

Вообще это довольно флегматичные мирные зверьки. Ни между собой, ни по отношению к нам они не проявляли каких-либо дурных свойств характера. Заберется на укрепленную в клетке веточку, как-то словно переломится пополам, подогнет под себя свои четырехпалые передние лапки, накроется пушистым хвостом и затихнет.

Позднее мне не раз приходилось дома держать летяг, и они очень хорошо себя чувствовали в просторных птичьих клетках-садках и даже любили сидеть на жердочках. Я выпускал их гулять и к столу, и они сами возвращались к себе домой.

ЛЫЖНЫЙ ПРОБЕГ

Николай АЛТУХОВ

Вьюга вырвалась из чащи,
Закружилась, как юла,
Белым веником слепящим
Перелески обмела.

Я лечу высоким яром,
Излучаю летний жар,

Обволакиваюсь паром,
Как кипящий самовар.

Пробегаю круг за кругом,
Стужу палками гоня,
И шарахается вьюга
От меня, как от огня.

ЛЫЖНЯ ТИМОФЕИЧА

Красивая, стремительная и во всех отношениях удивительная лыжня начинается в березовой роще, на окраине подмосковного города Одинцово.

И каждый год, а вернее, в канун Нового года, утром 31 декабря, на широкой поляне этой березовой рощи собираются сотни лыжников многих городов страны. Здесь и звезды нашего лыжного спорта — олимпийские чемпионы и чемпионы мира, и мальчишки и девчонки местной спортивной школы.

А вот и сам дядя Коля — Николай Тимофеевич Манжосов со своим внуком Сережкой. Давным-давно, еще в 1941 году был он чемпионом Советского Союза и давным-давно стал детским тренером и до сих пор работает с юными лыжниками.

Николай Тимофеевич — главный судья и организатор этих соревнований. И как только он появился на поляне, кругом только и слышно:

— Дядя Коля, как сегодня лыжи смазывать?

— Дядя Коля, номеров не хватает!

— Дядя Коля, у меня палка сломалась...

И в том, что он один может помочь всем, кто обратится к нему за помощью, никто даже не сомневается...

У небольшого сарайчика, где спортсмены складывают свои рюкзаки и получают номера для участия в соревновании, можно взять короткие предстартовые интервью.

Александр Елизаров, заслуженный мастер спорта:

— Где вы видели, чтобы на одной лыжне простые смертные могли сразиться с олимпийскими чемпионами? Здесь — пожалуйста. Вон Сергей Савельев готовится...

Семен Емельянов, рабочий строительного управления.

— Жаль, что такая гонка

только один раз в году проводится...

Леша Ашитко, ученик детской спортивной школы города Одинцово:

— Все наши мальчишки и девчонки считают, нам здорово повезло, что дядя Коля живет в нашем городе...

Петя Виноградов, ученик 6-го класса:

— Я живу не в Одинцово, а в соседней деревне. Немного опоздал, номера мне сегодня не получить — очередь-то какая большая. Но я и без номера буду участвовать, «зайцем». Дядя Коля все равно не прогонит...

Владимир Воронков, чемпион Олимпийских игр, заслуженный мастер спорта:

— Да, сегодня на лыжне тесно будет — столько народу собралось. А на будущий год еще больше будет, это я вам точно говорю.

И вот начинается самое интересное.

В три ряда — иначе не поместиться — выстроились на старте около семисот лыжников. Стоят, волнуются, ждут команды стартера. Кто-то не выдержал, рванулся вперед, а за ним вся лавина...

— Стой! — кричит Николай Тимофеевич. — Еще рано!

Да разве в таком шуме и толчее кто услышит...

Пришлось одному из помощников Манжосова мчаться на вездеходе наперерез гонщикам, чтобы остановить их и вернуть обратно.

И снова построил всех на старте Николай Тимофеевич. Прозвучал выстрел. Пошли...

И когда красно-сине-желто-зеленый хвост гонки исчез в березовой роще, на поляне стало непривычно тихо.

На столе, у самого финиша, судьи раскладывают призы. Их здесь на всех хватит. Лыжи, палки, мази, лыжероллеры, игрушки, шоколадки. Дошел до финиша — выбери, что тебе нравится. Конечно, лучше первым прийти — выбор больше.

На этот раз самым первым, как наделись многочисленные болельщики, финишировал Олимпийский чемпион Сергей Савельев. И достались ему замечательные пластиковые лыжи. Не подкачали и мальчишки из детской спортивной школы — Володя Самутин, Андрей Алешин, Леша Ашитко, Андрей Ушаков, Витя Власов. И как только пришли на финиш, первым делом — не к столу с призами, а Николая Тимофеевича окружают:

— Ух! — говорит запыхавшийся Витя Власов. — На девятом километре я вдруг почувствовал такую усталость, хоть с дистанции сходи, еле-еле себя пересилил.

— И у меня на этом же девятом километре такое было, — вторит Андрей Ушаков. — Там подъем метров триста длиной, он нас всех на выносливость проверял. Ничего — выдержали.

— Молодцы, — хвалит Николай Тимофеевич.

И тут в разговор вступает внук Николая Тимофеевича, Сережа:

— Дедушка, а когда же я буду участвовать в гонке? Сколько раз уж обещал, а на лыжню все не пускаешь...

Николай Тимофеевич смеется:

— Раз обещал, значит, будешь... Сам знаешь, и значок я тебе уже дал авансом. Что, не давал?

Упоминание о значке действует на Сережу успокаивающе. Действительно, такой значок получают только те, кто хоть раз в жизни стартовал в гонке на лыжне Тимофеевича. А Сережа хоть и не участвовал, но уже получил. Получил, потому что обязательно будет участвовать.

Ю. Филиппов

У САМОГО БЕЛОГО МОРЕЯ

Если ты бывал летом в глухой деревеньке, где бабушки еще говорят по-своему, по-прежнему: по-русски, но не по-городски, не как все, а на своем говоре-диалекте, тогда тебе знакомо это необыкновенное чувство: слышишь русскую речь, но как странно она, небывало льется — слова не все знакомы, но все понятны, выговор забавен даже вначале, но как знакомая улица играет радостными свежими красками, смеется вместе с тобой после летнего летучего дождя, так и речь эта радует слух свежим, ярким, точным словом.

В книгах Бориса Викторовича Шергина ты не раз переживаешь эту радость встречи с речью столь же простой, как разговор деревенских жителей, и столь же прекрасной, как самые прекрасные стихи.

«Родную мою страну обходит с полуночи великое Студеное море — седой океан.

От Студеного моря на полдень развеличилось Белое море, наш светлый Гандвик. В Белое море пала архангельская Двина. Широка и державна, тихославная та река идет с юга на полночь и под архангельской горой встречается с морем. Тут островами обильно: пески лежат и леса стоят. Где берег возвышен, там люди наставились хоромами. А кругом вода. Куда сдумал ехать, везде лодку, а то и кораблик надо.

В летнюю пору, когда солнце светит в полночь и в полдень, жить у моря светло и любо. На островах расцветают прекрасные цветы, веет тонкий и душистый ветерок и как бы дымок серебристый реет над травами и лугами».

Так начинается книга «Гандвик — Студеное море». В ней ты найдешь рассказы о необык-

новенных делах поморов — жителей берега Белого моря. Узнаешь об их капитанах — кормщиках, об их «мастерах-преизящных» — сказителях былин и старин, услышишь необыкновенные истории, которые случаются, когда люди уходят в море.

Книга открывается маленькой поэмой в прозе «Двинская земля». Не знаю, лучше ли называть «Двинскую землю» поэмой — слово книжное, немного высохшее, а в ней каждое словечко — что капля росы со всеми красками на свете, со всеми запахами весеннего утра, июльского дня, ветреной тревожной осенней ночи, когда, прислушиваясь к неровному скрипу флюгера на крыше, тревожатся жены рыбаков...

БОРИС ВИКТОРОВИЧ ШЕРГИН

Рисунок Н. Устинова
к книге Б. Шергина „Миша Ласкин“

«Насколько казенная наука от меня отпрядывала, настолько в море все, что я видел и слышал, льнуло ко мне, как смола к доске», — пишет Б. В. Шергин. Так слово к слову, картина к картине льнет в его рассказах, где очень спокойно, но с большой неудержимо прорывающейся через это спокойствие любовью, говорится о необыкновенных людях, либо о чудесных событиях.

А каких находит писатель людей необыкновенных! Старухи, не отпускавшие насмешку да шутку с уст до самой кончины, мальчишки-зуйки, которые, прежде чем стать отважными капитанами, воюют с караваем хлеба, который не хочет печься как надо; и уж, конечно,

сами капитаны да корабельные мастера — краса и гордость Архангельского берега Гандвика — Белого моря.

Вот как необычно сложилась жизнь у Володи Добрынина... Постой-ка: ни о чем тебе фамилия героя не напомнила? Как же! Конечно, родня былинному богатырю, как и сам рассказ родня былине... Небывалое с Добрыниным случилось: из сирот да в арестанты, а из арестантов да в гамбургские бургомистры! Как? А ведь настоящего богатыря ни нож не берет, ни вода не принимает, а люди кто за ум, а кто за стать любят. Со звонкою славой на большом корабле приплыл в Архангельск гамбургский бургомистр Владимир Добрынин: «Тут не белая береза подломилась, не кудрява зелена наклонилась, повалился сын матери в ноги».

Высоко взлетел былинный герой Владимир Добрынин, да разве он один из архангельских поморов русской земле славу принес? И уж тут не скажешь — мол, сказка, выдумка, — имя М. В. Ломоносова каждому известно. В Москве, и Киеве, и в Марбурге и в других городах Европы искал М. В. Ломоносов «новой премудрости». Преуспел среди иностранных студентов. Но на чужбине затосковал. «Давно ли виделись берега садовые, реки медовые? А наяву оказалось, что чуждадельная сторонущка тоскою посеяна, слезами полита, горем орожена... Всякая немецкая щепиночка торчком встала, всякий угол толкнуть норовит. Опостылела Германия, и — не стерпела душа, на простор пошла». Поспешил в Россию, где многое ему свершить суждено было. «Гений архангельского мужика сиял столь светло, что загородить этот свет уже было не под силу никому».

Да, каких только замечательных людей не бывало на Архангельской земле! Еще в XIV веке граждане Великого Новгорода поселились в этом северном крае, и с той поры предание об их славных делах передавалось изустно и дошло до нашего времени.

Один из последних в книге — рассказ «Миша Ласкин». Это рассказ о мальчишеской дружбе. Нельзя человеку без друга. А если им окажется такой парень, как Миша Ласкин, то тебе очень повезло! До старости будешь помнить его, как помнил автор книги. Друг поможет тебе научиться поступать так, что и сам ты и жизнь вокруг тебя становится красивее. А как это? Да очень просто! Поможет перерисовать древнюю книгу или усадить берег, на котором стоят корабли, шиповником.

Возьми в библиотеке книгу Шергина. Она тоже будет твоим другом. Не спешి листать ее страницы, попробуй услышать неторопливый мудрый голос рассказчика. Рассказ «Миша Ласкин» заканчивается словами про то, как усаженный когда-то шиповником берег пахнет розами. Книга не цветок, но если ты вчитаешься в нее, то услышишь этот тонкий чудесный запах.

Л. АСИНОВСКАЯ

ЗАСЕДАНИЕ 5-е

Наш КООТ рад поздравить членов нашего клуба с Новым годом, пожелать хорошей учебы, верных друзей и новых обыкновенных и даже необыкновенных открытий!

Возможно, что новички, впервые взявшие «Костер» в руки, еще не знакомы с КООТом. Объясняем, что КООТ — это Клуб Обыкновенных Открытий:

Все, кто хочет научиться мыслить, кто мечтает об открытиях и путешествиях, вступайте в члены Клуба Обыкновенных Открытий — это позволит вам стать наблюдательными и терпеливыми. Вы научитесь подмечать то, мимо чего проходите сейчас, вы задумаетесь над тем, над чем никогда не задумывались раньше. Например, думали ли вы, отчего небо голубое? Или почему гудят провода? Или почему даже в самый жаркий день вы замерзаете, выходя из воды на берег?..

Некоторые наши заседания мы проведем «за круглым столом» совместно с учеными, писателями, журналистами. Поговорим о биологической навигации, о животных и растениях, которые чувствуют вре-

мя, о правильных предсказаниях и об ошибках Жюль Верна, о лохнесском чудовище и о загадочных явлениях природы, которые, возможно, в недалеком будущем разгадаете вы, сегодняшние члены КООТа.

Будут продолжены и регулярные занятия в классной комнате клуба, где всегда можно найти несколько писем читателей. Зайдем туда и возьмем два верхних письма в той стопке, над которой написано: «ЗАДАЧИ».

Письмо Гали Жидковой из Челябинской области

«Дорогая редакция! В июне я ездила со своими родителями на Украину. Там я познакомилась с одной киевской девочкой, которая задала мне вот какую задачу. Одному человеку, который не знал умножения, а считать умел только от одного до десяти, дали последний столбец в таблице умножения, но без решений, и попросили написать, сколько в каждом случае будет. Он взялся за дело, дважды написал все известные ему цифры, и, к всеобщему удивлению, получил правильные ответы. Как это у него получилось?»

Нужно сказать, что способ решения этой задачки, который прислала нам Галя, оказался на редкость простым и забавным. От себя мы только можем добавить, что эта задача отличный пример тому, как можно в самом обычном — в таблице умножения! — увидеть возможность для забавной игры на сообразительность.

Письмо Марата Галицкого из Ленинграда

«Многоуважаемый КООТ! Предлагаю вниманию всех членов клуба задачу, которую задали мне. Представьте себе, что кто-то изобрел такой аппарат, с помощью которого можно пробить сквозную дыру от Северного полюса до Южного. Вопрос: если в эту дыру бросить камень на Северном полюсе, поймут ли его на Южном?»

Спасибо тебе, Марат, эта задача непременно привлечет внимание тех, кто мечтает стать физиком.

Заседание КООТа ведет кандидат физико-математических наук
Г. ЧЕРКАШИН

Рисунки Ю. Иванова

СДЕЛАЙ САМ

К рисунку на 4-й странице обложки

Дуги нарт выгибаются из еловых веток толщиной до 2-х см.

Сиденье нарт сделай из тонких досочек или фанеры. Нарты готовы. Но куда годятся нарты без собак?

Нарты может таскать и одна сильная, тяжелая собака, скажем, западно-европейская овчарка, дог или колли. Но можно взять и двух-трех небольших собак, обыкновенных смысленых дворняжек. Собаки, работающие в нартах, должны твердо знать команды: «Вперед!», «Стоять!», «Влево!», «Вправо!» Достаточно двух недель

настойчивой возни с собакой, чтобы она поняла, что ты от нее хочешь, и научилась слушаться. В упряжке собаки бегут охотно. За послушание и понимание давай лакомство: кусочки сырого мяса, колбасы, сыра...

Упряжь шей из кожи. Как сделать ее — видно на рисунке.

Если ты живешь в деревне, у вас много хороших собак и твои товарищи тоже сделают нарты, можно организовать гонки на нартах...

Только ни в коем случае не устраивайте гонки на дорогах, где ездят машины.

Если гонки будут интересными или веселыми — сфотографируй их и пришли фотографию в редакцию...

Н. БЕЛОЗЕРОВА

Раздел ведет
заслуженный тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

ЧЕМПИОНАТ-78 ОТКРЫТ!

В этом рыцарском турнире АРЧЕБЕКА можно:

- а) стать чемпионом Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток,
- б) завоевать диплом и приз,
- в) выполнить норму и стать спортсменом-разрядником.

Посылавшие заявку в турнир уже включены. Но еще не поздно послать ее и теперь. Принять будут все: мальчики и девочки, первоклассники и десятиклассники, разрядники и новички. А не умеющих играть зачислят в отряд оруженосцев, где они получат нужную подготовку.

Итак, долго не раздумывай — пиши: «Прошу включить меня...» и т. д. Не забудь указать фамилию, имя, класс, разряд (если есть), свой адрес. А вот адрес АРЧЕБЕКА: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, «Костер».

Условия чемпионата.

Турниров будет два — шахматный и шашечный, можно участвовать сразу в обоих, но рапорты нужно присылать раздельно.

В отборочных состязаниях («Костер» №№ 1—7) — 14 задач, по 5 очков за каждую. Набравшие 40 очков попадут в финал.

В финальных состязаниях («Костер» №№ 8—10) можно будет выполнить разрядные нормы (4-й, 3-й, 2-й разряд), а победители будут награждены. Об условиях финала узнаешь в августе.

ПЕРВЫЙ ТУР ЧЕМПИОНАТА

Шахматисты! Как в этих задачах объявить мат в 2 хода?

А. Белые: Kph5, Lg5, Lh1, Ch2, p.f6; черные: Kph8, Lab, p.c2 (автор Юрий Башлыков, Белово).

Б. Белые: Кра3, Фh2, Kb4, p.b5; черные: Кра5, pp.a6, b6, h3 (автор Александр Гришин, Ермоловка).

Шашисты! Найдите в этих позициях (автор Н. Савельев, Ленинград) победную комбинацию за белых.

А. Белые: b2, c1, e1, g3; черные: b4, d6, f6, g7, h4, h8.

Б. Белые: a3, d2, f4, h4; черные: a5, d6, e3, g7, h8.

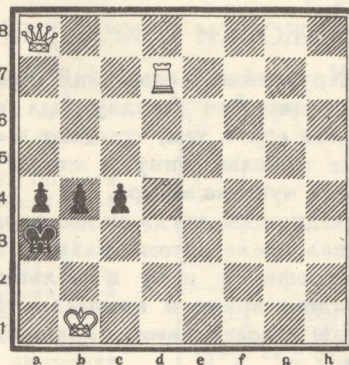
Рапорт с решениями следует писать на почтовой открытке.

КИОСК „МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

- Дана задача; как узнать — а) чей ход? б) куда идут белые?
- В задачах всегда — а) ход белых б) белые идут снизу вверх.
- Когда будут опубликованы ответы к задачам призового тура («Костер» № 10, 1977) и названы победители чемпионата-77?
- В «Костре» № 4.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

«Объявить мат в 2 хода» — что это означает? Это значит, что нужно найти и сделать белыми такой ход, который обеспечит мат черному королю на следующем ходу. Вот пример.

Как объявить тут мат в 2 хода? Для этого следует пойти 1. Fg8! (восклицательный знак отмечает лучший ход). Смогут ли теперь черные избежать мата? Нет! Смотрите:

- 1. Fg8! и если Kpb3, то 2. Ld3X.
-если b3, то 2. Ff8X.
-если c3, то 2. Fa2X.

Итак, после 1. Fg8! черным дается мат при любом их ответе, а это и значит, что задача решена. Ее решает ход 1. Fg8!

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Если ты еще не умеешь играть, то эта рубрика — для тебя.

Внимание: первое боевое задание!

А. Узнать, как называются фигуры и как они ходят.

Б. Узнать, что такое шах, мат, пат.

В. Придумать, нарисовать и прислать позиции — с шахом; с матом; с патом.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем рыцарям и оруженосцам назначить для себя пароль (любое слово или фразу). На рапорте (верхний левый угол открытки) помечать номер тура и свой пароль.

§2. Рапорты отослать до 1 марта.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

СООБЩЕНИЕ ИЗ ШТАБА АРЧЕБЕКА

Так как —

1) все шашечные первенства мира, в том числе и юношеские, проводятся по шашкам международным (стоклеточным),

2) у архебековцев уже есть в этой игре немалые завоевания: Борис Шавердян — мастер спорта и серебряный призер первенства мира среди юношей, Борис Файн — мастер спорта, чемпион Харькова, Валерий Хорин — чемпион РСФСР среди юношей, Сергей Мальцев — мастер спорта, вошел в десятку лучших композиторов СССР, Сергей Ковалев — вошел в десятку лучших композиторов СССР, Юрий Страгис — чемпион Омска, Евгений Канель — чемпион Ашхабада и т. д.,

3) международные шашки таят в себе столько неизведанных путей и секретов, что требуют особо тщательной разведки.

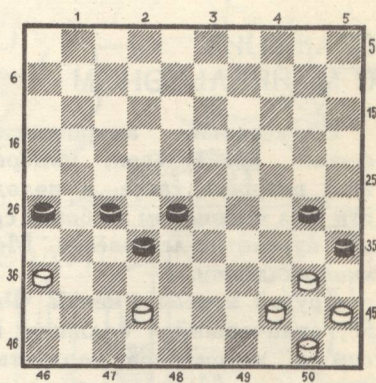
шахмат-адмирал Ферзьбери распорядился создать при АРЧЕБЕКЕ отдел «Разведка МШ» (международных шашек), а всем зачисляемым в него присваивать звание — разведчик МШ.

Запись открыта! Вступайте в ряды разведчиков МШ! Принять будут все!

В отделе «Разведка МШ» состоятся соревнования на спортивный разряд по международным шашкам. Но это позже. А пока —

КОНКУРС РАЗВЕДЧИКОВ МШ

№ 1 (см. диаграмму).

№ 2. Белые: 25, 27, 33, 42, 48; черные: 13, 15, 16, 21, 23.

№ 3. Белые: 27, 31, 33, 36, 37, 39; черные: 8, 16, 17, 18, 24, 29.

Задача разведки: найти пути к победе белых. Трое лучших разведчиков будут награждены.

Нужно знать: а) в МШ всегда обязательно бить так, чтобы с доски снималось наибольшее число шашек противника, б) запись ходов цифровой. Каждому полю присвоен номер, счет идет с верхнего левого поля (1) к нижнему правому (50).

Рисунки
М. Беломлинского

ОТВЕТ МЕНДЕЛЕЕВА

Дмитрий Иванович Менделеев не любил, когда к людям относились в зависимости от их титулов и рангов.

В то время студенты экзаменовались по алфавиту.

Однажды во время экзамена к нему подошел студент и представился:

— Князь Васильчиков.

— Студентов на букву «к» я экзаменую завтра, — сердито ответил Менделеев.

КРУЖОЧКИ И КРЕСТИКИ

Крупнейший советский физик академик Лев Ландау был известен еще и тем, что даже в самые тяжелые минуты жизни не терял чувства юмора.

Однажды, когда он выздоравливал после автомобильной катастрофы, к нему в больницу пришли врачи и принесли таблицы с крестиками и кружочками.

— Что это? — спросили врачи и показали на крестик.

— Кружочек, — серьезно ответил Ландау.

— А это? — врачи показали на кружочек.

— Крестик, — также серьезно сказал больной.

Врачи ушли в большой растерянности.

— Не будут приставать с разными глупостями, — сказал Ландау, подмигнув испуганной медсестре.

СРАЖЕНИЕ С МАЙКЕЛЬСОНОМ

Знаменитый американский физик Майкельсон, измеривший скорость света, в молодости был чемпионом по боксу среди курсантов-легковесов Морской академии.

Другой курсант, некий Фiske, отличавшийся большим весом и непомерной гордостью, невзлюбил Майкельсона и вызвал его на поединок.

Посмотреть их бой пришло много зрителей.

В первом же раунде маленький Майкельсон так отдела Фиске, что тот восемь дней пролежал в лазарете.

Впоследствии Фiske стал знаменитым адмиралом и любил похвастать своими победами, но больше всего он гордился проигранным боем — сражением с самим великим Майкельсоном.

СОДЕРЖАНИЕ

В двух шагах от войны	2
повесть В. Фролова	
Барабан	18
журнал юнкоров	
Комсомольск не кончается	22
очерк Г. Балуева	
Твой старший брат — комсомол	24
Камушек на счастье	30
рассказ Ф. Камалова	
Заводские истории	32
очерк В. Арро	
Морская газета	36
Про мышонка Терентия	38
сказки Р. Погодина	
В редакцию пришло письмо	
отвечает писатель	
Б. Раевский	42
Зеленые страницы	44
операция «Чудо-дерево»	
Новости науки и техники	46
заметки В. Четкарева	
Рассказы дрессировщика	48
В. Филатова	
Стихи твоих ровесников	54
Серебристые парашютисты	
рассказ натуралиста	
А. Батуева	55
Уголёк	57
странички для малышей	
Лыжня Тимофеича	59
очерк Ю. Филиппова	
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА	60
КООТ	
Клуб Обыкновенных	
Открытый	62
Арчебек	63
шахматы и шашки	
На первой странице обложки	
рисунок И. Дяткиной	

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-26722. Сдано в набор 5/X 1977 г. Подписано
к печати 2/XII 1977 г. Формат 60×90/8. Печ. л. 8.
Усл. печ. л. 8. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж 570 000 экз.
Заказ 1360. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

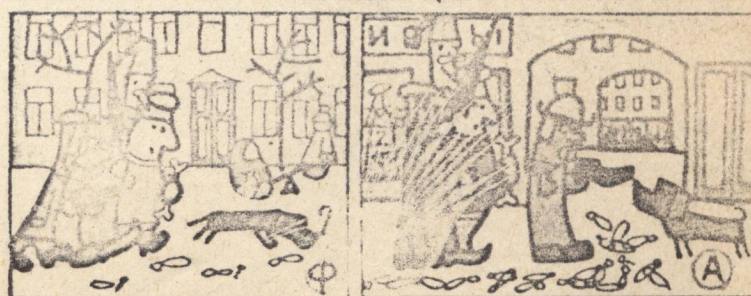
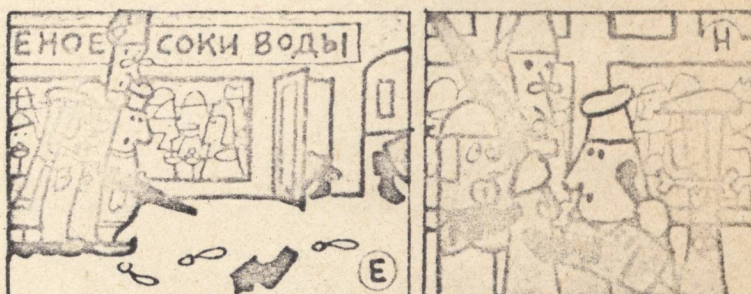
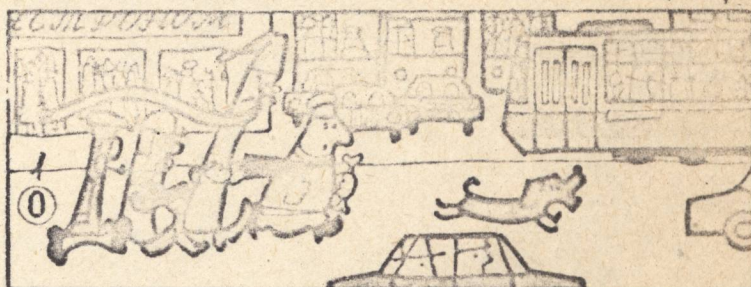
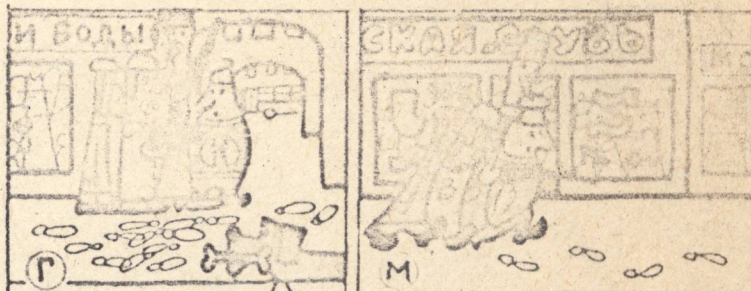
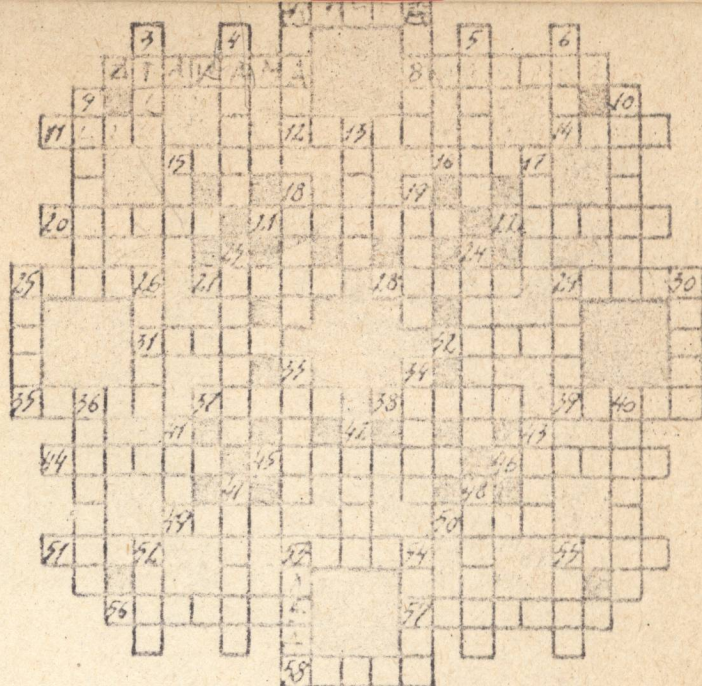

Составил и
сформил
В. УФЛЯНД

Чемпионами 1977 года по составлению кроссвордов стали Сергей КОИЛОВ из г. Каменка Пензенской области, Наташа ЕДОВИНА из д. Воецкое Башкирской АССР, Альбина ФЕДОРОВА из г. Чебоксары, Володя ОСИНКИН из с. Спасское Куйбышевской области. Они удостоиваются звания почетных членов клуба «За семью печатями» и награждаются памятными подарками. Поздравляем чемпионов и предлагаем кроссворд Володи ОСИНКИНА.

По горизонтали: 4. Дикая австралийская собака. 7. Пустыня в Чили. 8. Озеро на Кольском полуострове. 11. Полярная птица. 12. Небольшой олень, обитающий в Индии и Шри Ланка. 14. Опасное место в болотах. 15. Косяк рыбы. 16. Город в Армении. 20. Луговое растение. 21. Водоплавающая перелетная птица. 22. Столица государства в юго-восточной Азии. 25. Исполнитель ролей в театре. 27. Молодежный журнал. 28. Французский писатель-сказочник. 29. Представитель одной из северных национальностей. 31. Порт в Болгарии. 32. Разрушительное явление в горах. 35. Государство в Африке. 37. Небольшой залив. 38. Хищник семейства куньих. 39. Австралийская ящерица семейства агам. 44. Молочный продукт. 45. Персонаж романа «Разгром». 46. Знаменитый мореплаватель. 49. Опера Верди. 50. Памятник русского зодчества. 51. Цветок. 53. Площадь в древнегреческом городе. 55. Вид корма. 56. Горы в Казахстане. 57. Советский космонавт. 58. Снежный барс.

По вертикали: 1. Приток Дуная. 2. Крупная африканская антилопа. 3. Водоплавающая птица. 4. Река Южной Америки. 5. Рыбопромысловое судно. 6. Насекомоядное. 9. Зубастый кит. 10. Вид бабочки. 13. Речная рыба. 15. Город в Калининской области. 17. Ракообразное. 18. Литературный жанр. 19. Музыкальный ансамбль. 23. Ледник в окрестностях Домбая. 24. Сорт кофе. 25. Очертание предмета. 26. Широконосая южноамериканская обезьяна. 29. Речная рыба семейства тресковых. 30. Город в Швейцарии. 33. Туристская гостиница в Баксанском ущелье. 34. Порода собак. 36. Герой «Поднятой целины». 40. Полярное животное. 41. Сельскохозяйственный инвентарь. 42. Форма музыкального произведения. 43. Советская автономная республика. 47. Персонаж балета «Лебединое озеро». 48. Река в Средней Азии. 52. Ледник на Эльбрусе. 53. Южноамериканский грызун. 54. Лицевая сторона медали. 55. Отпечаток ноги.

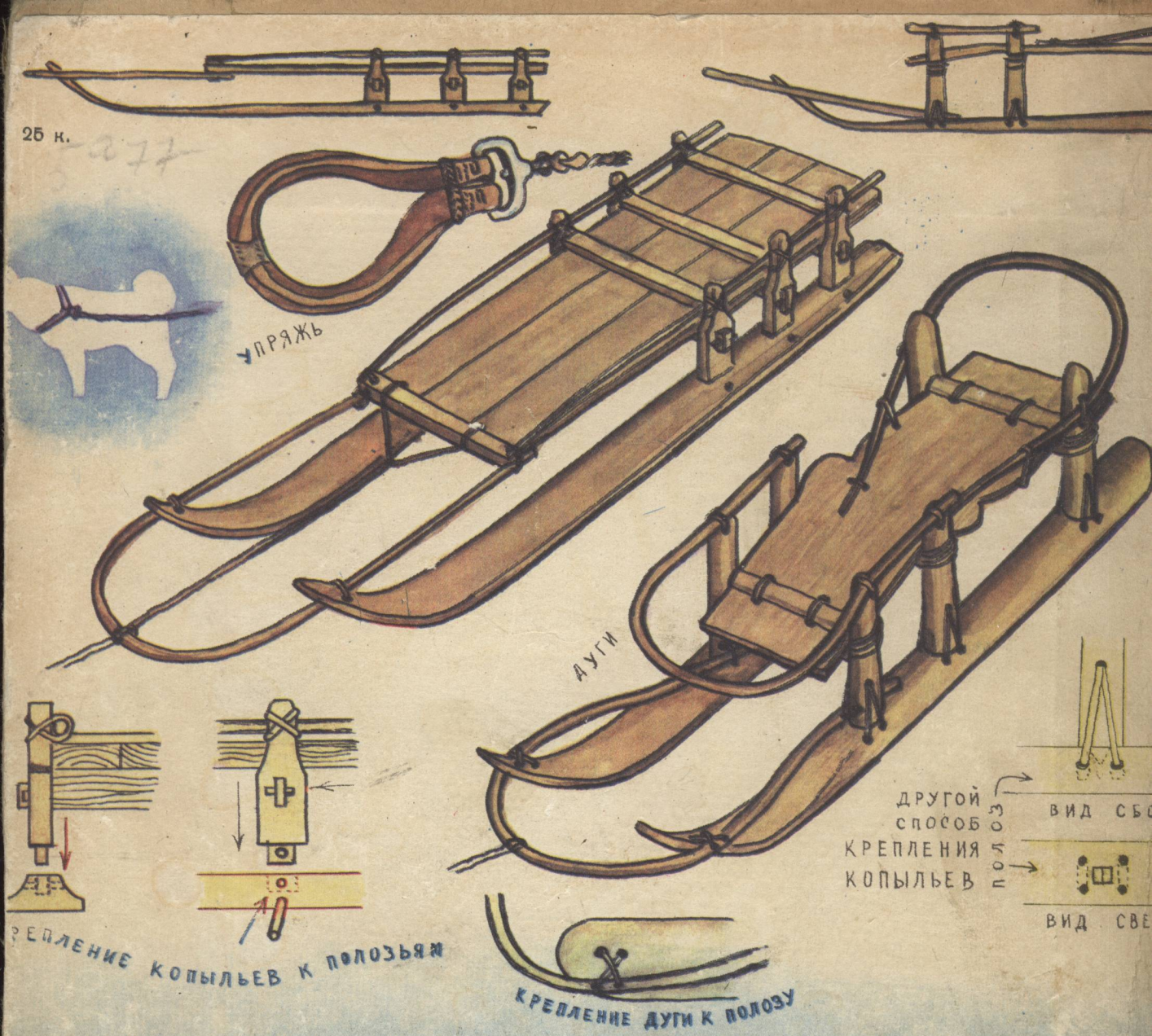
Из клуба похищена одна из семи печатей. За похитителем организована погоня. Основные элементы погоны зафиксированы на рисунках. Однако преступник каким-то образом ухитрился перегулять все эти рисунки. Если вы восстановите порядок последовательности рисунков во времени, то по буквам сможете прочесть имя предполагаемого похитителя.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12.

Волшебник был в маске поросенка. Разбит кувшин, стоявший на верхней полке третьим слева.

Криптограмма: Капот, Гроза, Сазан, Лодка, Баран, Трава, Ковер, Галка, Связь, Олень, Лимон, Сосна, Конус, Олово, Ствол, Крыша, Замок, Вагон, Просо, Индия, Брошь, Алмаз.

Приветствие: «Поздравляем с Новым годом!»

СДЕЛАЙ САМ

НАРТЫ ДЛЯ СОБАЧЬЕЙ УПРЯЖКИ

Рисунок Р. Попов

На нашем рисунке два типа старинных сибирских нарт. Ты можешь сделать любые из них.
Из хорошей прочной прямослойной доски вырежь два полоза длиной в два с половиной метра. Толщина полозьев в местах крепления стоек-копыльев — 5—6 см. Передние концы сострогай до толщины лыж, распарь в чане с горячей водой и загни.
Как сделать и укрепить копылья — смотри на рисунке. Привязать части нарт одну к другой желательно

сыромятными ремешками, но можно обойтись и тонкими крепкими бечевками. Отверстия в местах крепления сверлятся или прожигаются. При другом способе крепления копыльев (на рисунке эти нарт — справа) на скользящей поверхности полозьев выдолби два желоба, чтобы ремешки крепления не мешали движению. Высота и ширина нарт — 35—40 см.
(Смотри на странице 62).